

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск II

Лекции по военной истории XVI-XIX вв.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

2014

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

К.Л. Козюрёнок

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Специальный выпуск. II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. — Ч. I. [Электронный ресурс] <<http://www.milhist.info/lecture>>

© www.milhist.info

© Пенской В.В.

MILHIST

INFO

Пенской В.В. Ливонская война 1558–1561 гг.

Ливонская война по праву считается одним из ключевых событий русской истории. Длившаяся четверть века, с 1558 по 1583 гг., она оказала огромное воздействие на развитие и Русского государства, и русского общества. Под термином "Ливонская война" скрывается целая цепочка военных конфликтов, которые, хотя и были связаны друг с другом, тем не менее, четко различались современниками и лишь позднее уже потомками были объединены под одним именем. Нам представляется, что логичным было бы расширить рамки привычной нам "Ливонской войны", определив началом ее 1555 г., когда вспыхнул скоротечный военный конфликт между Русским государством и Швецией, а концом - опять-таки русско-шведскую войну 1591-1595 гг. И, в таком случае, собственно Ливонской войной можно смело назвать боевые действия в Ливонии в 1558-1561 гг. В эти четыре года Москва сокрушила Ливонскую конфедерацию и недвусмысленно заявила о своих претензиях на большую часть ливонского наследства. По своему размаху, по количеству вовлеченных в нее сил и средств Ливонская война 1558-1561 гг., третья (после русско-шведской войны и войны коадьюторов) в цепочке конфликтов, возникших в ходе борьбы за имущество "больного человека" Северо-Восточной Европы, отнюдь не впечатляет. Этого не скажешь о ее последствиях, которые повлекли за собой коренное изменение ситуации в Северо-Восточной Европе. Об этой неизвестной "известной" войне и пойдет речь.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2014/11/28/penskoy_7

Ссылка для печатных изданий:

Пенской В.В. Ливонская война 1558–1561 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. - 2014. - Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. — Ч. I. – С. 133-217 < http://www.milhist.info/2014/11/28/penskoy_7 > (28.11.2014)

www.milhist.info

2014

В. В. Пенской

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

1558–1561 гг.

Пролог

Ливонская война по праву считается одним из ключевых событий русской истории. Длившаяся четверть века, с 1558 по 1583 гг., она оказала огромное воздействие на развитие и Русского государства, и русского общества. И это не было случайностью. *«Правление Ивана^{*} раскрыло в драматической и даже страшной форме всю парадоксальность попыток создать мировую империю на незащищенной и неблагоприятной земле северо-востока Европейской равнины. В военном плане Московия становилась ведущей державой. В экономическом — была весьма многообещающей благодаря своим богатым людским и территориальным ресурсам^{**}. Однако уровень ее технического развития оказался слишком примитивен для мобилизации всех этих ресурсов, а расслаивающаяся, ограниченная и патримониальная природа унаследованной Русью социальной структуры препятствовала объединению ее сил...»* — писал британский историк Дж. Хоскинг. С этим утверждением можно поспорить, однако представляется, что главное подмечено им достаточно точно — молодое Московское царство надорвалось в попытке поднять оказавшийся неподъемным для себя груз. Ввязавшись в борьбу за Ливонию, Иван Грозный тем самым втянулся в конфликт с Великим княжеством Литовским, которое

---

* Грозного — здесь и далее примечания автора.

** Хотя это утверждение по отношению к России XVI и даже XVII вв. довольно сомнительно.

рассматривало Ливонию как сферу исключительно своих интересов. И все это происходило на фоне резко обострившегося в начале 1550-х гг. противостояния с Крымским ханством. В итоге многолетняя война на несколько фронтов ускорила наступление в России всеобъемлющего политического, социального и экономического кризиса. Его последствия полностью преодолеть так и не удалось, что и привело к взрыву в начале XVII в., поставившего страну на грань гибели.

Казалось бы, при таком раскладе история этого конфликта должна была стать предметом пристального внимания историков, и не только российских. Однако, увы, есть все основания согласиться с мнением петербургского историка А. И. Филюшкина, который с горечью писал, что *«среди войн, которые вела Россия на протяжении своего существования»*, выделяется тем, что она, как это ни парадоксально, *«одна из самых незначительных»*. Полноценного исследования по истории Ливонской войны в отечественной, да и в зарубежной, историографии по существу нет до сих пор. Исследованию подвергались отдельные страницы ее истории, но попыток составить отдельные фрагменты мозаики в целостное повествование практически не было. Единственной отечественной работой, в которой была сделана такая попытка, является вышедшая более полувека назад книга В. А. Королюка «Ливонская война», носящая, к сожалению, в большей степени научно-популярный, чем научный, характер.

В еще большей степени это относится к собственно военной истории Ливонской войны, в особенности ее первого этапа, 1558–1561 гг., который, собственно, и следует называть настоящей Ливонской войной. Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Под термином «Ливонская война» скрывается целая цепочка военных конфликтов, которые, хотя и были связаны друг с другом, тем не менее, четко различались современниками и лишь позднее уже потомками были объединены под одним именем. Причины, вызвавшие к жизни эту войну, охарактеризовал уже упоминавшийся нами выше А. И. Филюшкин, один из немногих ныне живущих отечественных историков, занимающихся историей борьбы за Ливонию. Он отмечал, что *«в середине XVI века сошлись несколько факторов, из-за которых передел балтийского мира стал неизбежен»*. Это и упадок немецких рыцарских орденов, обосновавшихся несколько столетий ранее в Прибалтике и Пруссии;

и стремительное ослабление некогда могущественного союза северо-германских городов — Ганзы; и освобождение из-под власти Дании Швеции с Норвегией; и стремление объединенных личной унией Польши и Литвы распространить свою власть и влияние на орденские владения и получить выход к морю; и желание России поставить под свой контроль отлаженную веками систему посреднической торговли, которую вели прибалтийские города, обеспечив тем самым себе беспрепятственный доступ на рынки северной Европы и к западноевропейским технологиям (и военным, и, как это принято сегодня говорить, «двойного назначения»). *«Все эти желания и чаяния всех стран Балтийского региона предполагали одно и то же: Ливонский орден должен прекратить существование и послужить во благо других государств своими территориями, городами, деньгами и прочими ресурсами и богатствами»*, — завершал свою мысль историк. Одним словом, речь шла о том, кто наложит руку на ливонское наследство и заполнит тот политический вакуум, который неизбежно должен был образоваться в результате смерти, неважно, естественной или насильственной, Ливонской конфедерации (назовем ее так, поскольку, помимо Ордена, здесь важную роль играл рижский архиепископ и епископ Дерпта). А в том, что эта смерть рано или поздно должна была наступить, вряд ли стоило сомневаться.

К середине XVI в. ослабевшая, раздираемая внутренними противоречиями и смутой Ливония, этот «больной человек северо-восточной Европы», уже не могла противостоять желанию более могущественных соседей полакомиться ею и была обречена. Но интересы держав, которым предстояло сойтись в смертельной схватке, имели разную направленность. Главным следствием упадка Ливонии стало то, что в северо-восточной части Европы во весь рост встали два вопроса, которые вскоре станут причиной неоднократных войн в этом регионе — «балтийский» и «ливонский». Соглашаясь в этом с мнением, высказанным А. И. Филюшкиным, все же отметим, что при всей тесной взаимосвязи этих вопросов они имели свою специфику. Балтийский вопрос имел «морской» характер и затрагивал в первую очередь интересы Дании и Швеции, которые боролись за право установить собственный контроль за Балтийским морем и в полной мере использовать полученную монополию на владение *Mare Balticum* для реализации своих

великодержавных планов. «Ливонской» же вопрос был преимущественно «континентальным» и касался в первую очередь Русского государства и Великого княжества Литовского. Сигизмунд II пытался за счет поглощения Ливонии возместить убытки от окончательно заглохнувшей к тому времени попытки развить экспансию в южном направлении, в сторону Черного моря. Ивану же Грозному и его боярам в первой половине 1550-х гг. было не до Ливонии, ибо на волне послеказанской эйфории они были захвачены идеей окончательного разрешения татарского вопроса посредством подчинения Крыма воле Москвы. И схватка между Москвой и Вильно из-за Ливонии, по большому счету, стала продолжением начавшейся еще при Иване III и Казимире 200-летней русско-польско-литовской войны, победитель в которой получал поистине царский приз — доминирование в Восточной Европе. Потому то и ставки в этой борьбе для русского и литовского монархов были выше, нежели чем для датского и шведского, равно как и значимость русско-литовской борьба за Ливонию, представляется для судеб Восточной и Северо-Восточной Европы более весомой, чем последствия датско-шведской морской войны.

В свете всего сказанного выше нам представляется, что логичным было бы расширить рамки привычной нам «Ливонской войны», определив началом ее 1555 г., когда вспыхнул скоротечный военный конфликт между Русским государством и Швецией, а концом — опять-таки русско-шведскую войну 1591–1595 гг. И, поскольку боевые действия на море занимали во всех этих конфликтах в целом не самое главное место, то предложенное для них А. И. Филюшкиным название «Балтийские войны» представляется не совсем точно отражающим их подлинную сущность. Термин же «Война за Ливонское наследство», на наш взгляд, подходит как нельзя лучше. И, в таком случае, собственно Ливонской войной можно смело назвать боевые действия в Ливонии в 1558–1561 гг. В эти четыре года Москва сокрушила Ливонскую конфедерацию и недвусмысленно заявила о своих претензиях на большую часть ливонского наследства. По своему размаху, по количеству вовлеченных в нее сил и средств Ливонская война 1558–1561 г., третья (после русско-шведской войны и войны коадьюторов) в цепочке конфликтов, возникших в ходе борьбы за имущество «больного человека» Северо-Восточной Европы, отнюдь не впечатляет. Этого не скажешь

о ее последствиях, которые повлекли за собой коренное изменение ситуации в Северо-Восточной Европе. Об этой неизвестной «известной» войне и пойдет речь дальше.

Ливонская война. Предыстория.

Итак, война, Ливонская война, была практически неизбежна. Ситуация к середине XVI столетия в регионе сложилась таким образом, что любая попытка изменить сложившийся к этому времени баланс сил вызвала бы обрушение лавины. Но и пускать на самотек события означало, что тот из участников будущего конфликта, кто окажется чрезмерно осторожным и нерешительным, рисковал остаться ни с чем, опоздав к разделу наследства. Вопрос был только в том, кто и когда сделает первый шаг. Традиционно считается, что таким «пионером» стал Иван Грозный, отправивший зимой 1558 г. свои рати разорять восточную Ливонию.

Осмелимся, однако, предположить, что Москва была менее других заинтересована в том, чтобы первой начать делить ливонское наследство. Еще раз подчеркнем, что к тому времени ее основной интерес лежал в ином направлении, в южном и юго-восточном, и лишняя война Ивану IV была не нужна. Иметь же у себя под боком слабую, разрываемую внутренними противоречиями, но формально независимую Ливонию для него было не в пример выгоднее. Свой интерес, и немалый, был у шведского короля Густава I Васы, остро нуждавшегося в деньгах и людях для очередного раунда противостояния с датчанами (а в том, что он состоится, Густав не сомневался). Две идеи прочно засели в сознании шведского короля — одна из них заключалась в установлении блокады Русского государства, а вторая — в замыкании торговли с Россией на Швеции. И чтобы достичь этих целей, контроль за выходом из Финского залива для Стокгольма представлялся весьма желательным. Но потерпев неудачу в попытке сколотить антирусскую коалицию, а затем столь же неудачно повоював с Иваном Грозным, Густав на время отказался от своих планов.

Не был заинтересован в нарушении status quo и престарелый король Дании Кристиан III, чего не скажешь о короле Польши и великом князе литовском Сигизмунде II Августе. Интерес Ягеллонов к ливонскому

вопросу имел давнюю предысторию. Еще в 1526 г. герцог прусский Альбрехт Гогенцоллерн, только что «приватизировавший» владения Тевтонского ордена в Пруссии, предложил своему сеньору, великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду I (отцу Сигизмунда II) поделить Ливонию между Москвой и Краковом. Как отмечал белорусский исследователь О. Дзярнович, в последующую четверть века Альбрехт постоянно поднимал этот вопрос в переписке с Ягеллонами — и с отцом, и с сыном. Характеризуя личность последнего, Г.В. Форстен писал, что *«...при всей своей женственности, при свойственной ему лени и умственной неповоротливости он нередко был способен на весьма удачную дипломатическую уловку, составляя любопытные проекты, проявлял и лукавство, и жестокость...»*. Идея Альбрехта пришлась ему по душе, и осенью 1552 г. Сигизмунд II и Альбрехт тайно встретились сперва в Крупишках, а затем в Брайтенштайне, и обсудили перспективы «инкорпорации» Ливонии в состав Короны. Рассуждая о московской угрозе захвата Ливонии, они договорились, что герцог разработает план этой самой «инкорпорации» по образцу и подобию аналогичного прусского акта 1525 г. Отметим, что москвит, коим пугали друг друга конфиденты, еще осаждал Казань, отразив перед этим вторжение крымского хана Девлет-Гирея, и, вынашивая идею «интеграции» Астраханского ханства, договаривался с ногаями. Зададимся вопросом — до Ливонии ли было Ивану в это время?

Однако вернемся к Ливонии и Сигизмунду с Альбрехтом. Прусский герцог, сообразив, что король строит планы, не совсем совпадающие с его намерениями, не слишком торопился с реализацией достигнутой осенью 1552 г. плана, но, в конце концов, в 1555 г. предложил Сигизмунду великолепную, как ему казалось идею. Суть ее заключалась в том, что вакантное место коадьютора при родственнике Альбрехта рижском архиепископе Вильгельме должен был занять «многообещающий юноша» Кристоф Мекленбургский. Его назначение неизбежно должно было вызвать противоречия между Орденом (который возглавлял престарелый магистр Г. фон Гален) и рижским архиепископом, и вот тогда Сигизмунд должен был вмешаться в конфликт, защитив интересы рижского своего родственника.

Королю после некоторых колебаний этот план понравился, тем более что идея назначения Кристофа уже была неплохо проработана

королевскими и герцогскими дипломатами при европейских дворах. Москва же, как полагали в Кенигсберге и Кракове, не станет вмешиваться в ливонские разборки, занятая разрешением «татарского» вопроса и войной с Густавом Васой (и не ошиблись в этом). Воодушевленный королевской поддержкой, в конце 1555 г. Альбрехт начал действовать. В январе 1556 г. рижский капитул избрал Кристофа коадьютором. Гален отказался признать этот выбор, и содействовал тому, чтобы его заместителем-коадьютором был избран В. фон Фюрстенберг, враг рижского архиепископа и противник сближения с Польшей. В результате летом того же года в Ливонии вспыхнула война, в которой Вильгельм и Кристоф потерпели поражение. Сигизмунд, как и ожидалось, получил повод вмешаться и летом следующего года придвинул свои войска к границам Ливонии со своей стороны, а Альбрехт — со своей. Фюрстенберг, наследовавший умершему к тому времени Галену, был вынужден пойти на заключение соглашения с Сигизмундом в городке Позволь.

Среди статей Позвольского договора была одна, в особенности задевавшие интересы Москвы — согласие Ордена на союз с Польшей, нацеленный против Русского государства. И здесь уже не так уж и важно, полагали ли в Москве факт заключения этого договора тем самым *casus belli*, что открыл путь к войне или нет. Позвольские соглашения и открытое вмешательство Польши и Литвы в ливонские дела наложились на возникшие к этому времени осложнения в отношениях между Иваном IV и ливонцами. В 1550 г. Иван IV «положил был гнев на честнаго князя Вифленского, и на арцыбископа, и на всю их державу», обвинив ливонцев не только в традиционных порубежных «задорах» и «обидах», притеснении купцов и «торговых неизправлениях», но еще и в том, что ливонцы де «из Литвы и из заморья людей служилых, и всяких мастеров не пропускали...» и вдобавок ко всему не платили «дань и старые залогии». Как следствие, царь не велел своим псковским и новгородским наместникам, посредством которых он общался с ливонцами, «дати перемирья» последним. Поспешно прибывшее посольство получило от Ивана годовую отсрочку на «исправленья», но ни в 1551 г., ни в последующие годы «исправленья» не последовало. Москва же, занятая казанской проблемой, не настаивала на своем требовании и вспомнила об этом лишь в 1554 г., когда начались переговоры о возобновлении русско-ливонского перемирия.

В ходе переговоров ливонские послы были крайне неприятно удивлены тем, что Москва поставила ребром вопрос о выплате пресловутой «юрьевской дани» ребром. Да, это требование неизменно встречалось, как указывал И. П. Шаскольский, в договорах Пскова и Дерпта с 1463 г., но ливонцы ее не платили, а русские и не настаивали на своем требовании. Но теперь все было по-другому. Москве, которая вела трудную и напряженную войну с татарскими юртами, нужны были деньги — здесь и сейчас. Потому А. Адашев и И. Висковатый, представлявшие интересы русского царя на переговорах, не только затребовали выплаты дани, но и заявили о необходимости выплатить недоимки, накопившиеся за минувшие десятилетия. Когда ливонские послы услышали об этом, у них, по словам ливонского же хрониста Ф. Ниенштедта (который, кстати, участвовал в подготовке поездки этого посольства в Москву), «*чуть глаза изо лба не выскочили и они решительно не знали как тут быть: условливаться и сговариваться о дани они не имели никакого наказа и не смели также просить о сбавке*». Да и как тут просить о сбавке, не говоря уже об отказе платить вовсе, если Адашев и Висковатый более чем прозрачно намекнули, что ежели договориться о выплатах не получится, их государь сам придет и возьмет то, что причитается ему по праву и «*по старине*».

Деваться было некуда, и послам пришлось согласиться с требованием настырных московитских дипломатов, отлично подготовившихся к переговорам (в отличие от ливонцев). В текст договоров, заключенных между ливонцами и наместниками Новгорода и Пскова были внесены ставшие затем роковыми положения об обязательствах Ливонии выплачивать Ивану IV «*дань свою Юрьевскую, и старые залого со все Юрьевские* со всякие головы по гривне по немецкой*», и, собрав требуемую дань «*как изстари бывало*», прислать по истечению трехлетнего срока.

В тексте договоров были и другие требования, касавшиеся и торговли, и упомянутого уже выше обязательства ливонских ландсгерров «*не приставати никакими делы*» к Польше или Великому княжеству Литовскому. Но именно невыплата обещанной дани стала тем поводом, воспользовавшись которым Иван Грозный отдал в январе 1558 г.

---

* Дерптское епископство.

приказ свои ратям перейти русско-ливонскую границу. И тут уже неважно, какие цели преследовал царь, выдвигая такое требование и настаивая об его безусловном выполнении. Хотел ли он пополнить за счет ливонцев свою изрядно опустевшую в результате непрекращавшейся уже на протяжении более чем 10 лет «татарщины» казну и удовлетворить своих стратилатов, поиздержавшихся в ходе этой затянувшейся войны? Или же Иван вынашивал план включения Ливонии в сферу своего влияния с тем, чтобы затем эксплуатировать ее посредством выкачивания дани и использования ее торговой инфраструктуры? Или же русский царь лелеял обе идеи сразу? Увы, сохранившиеся материалы московского Посольского приказа не позволяют дать однозначный ответ на эти и другие вопросы о действительных целях Ивана Грозного в ливонском вопросе. Ясно лишь одно — узнав о том, что «бездельные» ливонские послы денег так и не привезли, а собираются лишь торговаться о размерах выплат, Иван, по словам имперского дипломата И. Гофмана, *«разгневался на них и в великой ярости стал рвать на себе одежду и сказал обоим посольствам*, не считают ли они его за дурака...»*. Следующий шаг царя предугадать было нетрудно. Не хотят ливонцы платить по хорошему, будут платить по плохому, и собравшаяся поздней осенью 1557 г. на русско-ливонском рубеже русская рать отправилась принуждать непонятливых немцев к миру. Ливонская война началась.

Ливонская война. Начало.

Сбор рати *«на маистра Ливонского и на всю землю Ливонскую»*, кстати, начался еще в поздней осенью 1557 г., а в ноябре Иван Грозный отправил в Новгород воевод во главе с князем М.В. Глинским и Д.Р. Юрьевым, а с ними *«людей с воеводами со всеми ноугороцкими и псковскими всеми и из московских городов выбором многих»* (около 4 тыс. детей боярских без учета послужильцев). По приказу царя к ним присоединились еще и бывший казанский царь Шах-Али (Шигалей) со своим двором, два татарских *«царевича»*, Кайбула и Тохтамыш, со своими людьми, черемисы и даже *«черкасские князья Иван Маашик з братиею»* — воистину нашествие «дванадесят язык»! Надо полагать,

---

* Орденскому и дерптскому.

отправляя все это разномастное воинство в набег, Иван намеревался, помимо всего прочего, продемонстрировать ливонцам (и не только им) еще свою мощь и величие.

Согласно разрядным записям, войско, собравшееся во Пскове в поход против ливонцев, состояло из пяти полков (Большого, Передового, Правой илевой рук и Сторожевого) под началом 10 воевод. Под ними «*ходили*» 38 сотенных голов (соответственно 13, 8, 7 и по 5), не считая начальных людей у татар, черемис и «*пятигорских черкас*». В войско были включены по меньшей мере два стрелецких приказа — Тимофея Тетерина и Григория Кафтырева. Орденовые должностные лица, оценивая численность вторгшейся царской рати, со слов пленных и донесений с мест полагали, что она насчитывала 20–30 тыс. человек, в т.ч. 1 тыс. *schutzen* (стрельцов), большей частью на конях. Тяжелой артиллерии у русских не было, лишь 3 дюжины «*telhakenn*» или «*röre*» (гаковниц, легких орудий, фальконетов?), а вооружение конных воинов составляли копья, луки и сабли, а в качестве защиты многие имели кольчуги. Если ливонцы и преувеличили численность московского войска, то не на порядок — по аналогии с другими походами того времени, под началом В.М. Глинского со товарищи могло быть до 10–12 тыс. «*сабель*» и «*пищалей*», а с учетом обозной прислуги — до 15–18 тыс. чел.

Задача, которая была поставлена царем перед воеводами, посланных наказывать ливонцев за их «*неисправленье*» (согласно показаниям пленных), была проста — «*brennen, morden, rauben*» (попросту говоря, жечь, убивать, грабить). Об этом же пишет, к примеру, и ливонский хронист Б. Рюссов, автор «Ливонской хроники»: «*Московит^{*} начал эту войну не с намерением покорить города, крепости или земли ливонцев; он хотел только доказать им, что он не шутит, и хотел заставить их сдержать обещание, и запретил также своему военному начальнику осаждать какую либо крепость*». Да и князь А.М. Курбский, участник похода, также прямо указывал на то, что он и его воины получили приказ «*не градов и мест добывати, но землю их [ливонцев] воевати*». Речь шла именно о «продолжении политики иными средствами», о, говоря словами Б.Н. Флори, «*военной демонстрации*», «*которая*

---

* То есть Иван Грозный.

должна была принудить Орден отказаться от своей политики саботажа». Отпуская свою рать «в зажитье» в богатые ливонские земли, царь рассчитывал одним выстрелом убить двух зайцев — дать своим небогатым и свирепым детям боярским, и тем более новым подданным, татарам, прекрасную возможность разжиться «животами» и пленниками. Ну а непонятливые ливонцы могли наглядно убедиться в том, что худой мир лучше доброй ссоры, и лучше заплатить требуемую с них сумму, чем терпеть такое разорение и опустошение.

Перейдя 22 января 1558 г. под Псковом русско-ливонскую границу, царское воинство огненным валом прокатилось по владениям дерптского епископа, краем задев земли Ордена и рижского архиепископа. За время 2-недельного (псковские летописи говорят о 3,5-недельном рейде) похода, по словам историка, было сожжено и разграблено около 4 тыс. дворов, сел и мыз. Выполняя царский приказ, воины Ивана Грозного, по словам А. И. Филюшкина, «не брали городов и замков* но картинно осаждали их, жгли и грабили посадки, разоряя округу». Суровая зима для них — по словам псковского книжника, «зима была тогда гола без снегу с Рожества христова, и ход был конем ноужно гродовато», — вовсе не была помехой.

Ливонские власти не смогли противопоставить русским ничего равнозначного — конфедерация, несмотря на очевидную угрозу войны, не сумела быстро отмобилизовать более или менее равнозначные русским силы. Согласно ливонскому же хронисту Й. Реннеру, счет пеших и конных воинов в гарнизонах ливонских городов и замков шел на десятки, в лучшем случае (как в Дерпте) на сотни бойцов. Естественно, что при таком соотношении сил вступать в «прямое дело» с москвитами было бессмысленно, и не случайно тот же Курбский писал, что за все время, пока они «воевали» «землю Ифлянскую», неприятель «нигдеже опрошася нам битвою». В лучшем случае небольшие ливонские отряды, осмеливавшиеся покинуть свои замки и города, побивали отдельные мелкие русские и татарские «загоны», брали немногих пленных, и поспешно укрывались обратно за стенами и башнями, не решаясь вступать в бой с главными силами московской рати. Там же, где они пытались сделать это, их ожидал сокрушительный разгром,

---

* Да и сложно было это сделать, не имея «grosen geschutzen», тяжелой артиллерии.

как это было под Дерптом или городком Фалькенау (русские называли его Муков).

В середине февраля 1558 г. русское войско пересекло границу южнее Нарвы, переправившись через Нарову по Козьему броду *«выше города Ругодива»*, *«и люди царя и государя дал бог все с воеводами вышли здорова, — писал летописец, — а государевых людей убили под Курсло-вом в воротех Ивана Ивановича Клепика Шеина да в загонех и ыных местех пяти сынов боярских да стрелцов десять человек да трех татаринов да боярских человек с пятнадцать, а ыные люди дал бог здорово»*. Теперь оставалось ждать — как скоро из Ливонии прибудет посольство бить челом об *«отдании вины»*. В Москве не сомневались — демонстрация того, что случится, если требования Ивана Грозного не будут приняты, была более чем убедительна.

Так и случилось — уже 1 марта Фюрстенберг отписал Шигалею, чтобы тот *«царю и государю печаловал, чтобы пожаловал, опасную грамоту дал и велел послом к себе быти и бити челом за свои вины и дань привести»*. Естественно, что Иван Грозный, довольный реакцией магистра на совершенное ратью Глинского и Шигалея *«вразумление»*, дал грамоту и свое согласие. 13 марта в Вольмаре открылся ливонский ландтаг. Главный вопрос, который обсуждали съехавшиеся на него депутаты от Ордена и ливонских городов, заключался в том, что делать в сложившейся ситуации. Фюрстенберг ратовал за войну с москвитями, доказывая собравшимся, что только успешно отразив вторжение русских, можно рассчитывать на удовлетворительные условия мира с Москвой. Однако рижские, дерптские и ревельские депутаты ландтага не разделяли воинственных настроений магистра. По их мнению, война, исход которой вовсе не определен (дерптцы указывали на пример Густава Васы, который был разбит русскими, хотя он, несомненно, был сильнее, чем вся Ливонская конфедерация), обойдется Ливонии слишком дорого. Потому, полагали добропорядочные бюргеры, лучше откупиться от Москвы, заплатив требуемую Иваном сумму (поторговавшись для приличия относительно ее размера — а вдруг удастся снизить размеры выплат?). В конце-концов собравшиеся порешили на том, что москвиту нужно заплатить 60 тыс. талеров и отправить новое посольство. Надо полагать, что процесс принятия ландтагом решения был серьезно ускорен новым вторжением русских войск

«с Ызборьска..., да с Вышегорода..., да с Красного городка» под началом князя Г.И. Темкина-Ростовского со товарищи и примерно с 600-ми или несколько больше всадниками. 19 марта царские воеводы перешли границу и в течение четырех дней опустошали владения Ордена и рижского архиепископа, разгромив попутно небольшой орденский отряд.

Пока на ландтаге добрые немцы судили и рядили, что им ответить на требования москвитя, пока собирали по разнарядке деньги на выплату пресловутой «юрьевской дани», пока снаряжали в путь-дорогу посольство, события развивались своим чередом, и совсем не так, как рассчитывали ливонские ландскерры и бюргеры. Когда посольство прибыло в Москву, было уже слишком поздно — ситуация коренным образом переменилась, и от имени царя послам было заявлено, что де *«верити у них нечему: на чом правду дают, в том в всем жмут»*, почему ежели *«похочет маистр, и он бы был сам, да и бискуп, сами за свои вины били челом и дань положили на всю свою землю...»*.

Взятие нарвское Ливонские земли...

Что же произошло, почему Иван отказался вести переговоры с ливонскими послами дальше и почему Б. Рюсов восклицал потом, что де *«тогда ливонцы начали жалеть, что так долго промедлили с деньгами. Но тогда уже нечего было делать»*? А поворот этот был связан с событиями, разыгравшимися весной 1558 г. вокруг Нарвы — орденского города и замка на берегу Наровы, напротив возведенной Иваном III крепости Ивангорода. Заложенный датчанами в XIII в. и проданный ими спустя сто лет Ордену, Нарва была его форпостом на границе сперва с Новгородской землей, а потом и с Русским государством. Его пограничное положение диктовало и особое отношение к Нарве с обеих сторон — как-никак, но город являлся своеобразными воротами, обладание которыми открывало дорогу на Ревель и на Дерпт, не считая того, что хозяин Нарвы контролировал и водный маршрут по реке Нарове, недалеко от места впадения которой в Финский залив и находился сам город. Понятно, что в Москве рассматривали Нарву как одну из первостепенных целей в случае возобновления боевых действий между Ливонской конфедерацией и Русским государством.

Нарвским вопросом заинтересовалось, судя по всему, еще правительство Елены Глинской. Во всяком случае, весной 1536 г. (видимо, в рамках большого строительства, в ходе которого был возведен или реконструирован целый ряд городов и крепостей по всей России) в устье Наровы была начата постройкой небольшая крепость. Зачем? — ответ на этот вопрос был очевиден: строительство было затеяно для того, чтобы контролировать вход-выход торговых судов из Наровы в Финский залив. Следующий шаг был сделан спустя два десятка лет. В апреле 1557 г. Иван IV и Боярская дума приняли решение в дополнение к этой крепости *«на Нерове, ниже Ивана города на устье на морском город поставити для корабленого пристанища»*, одновременно приказав, чтобы *«в Новегороде, и во Пскове и на Иване городе, чтобы никто в Немцы не ездил ни с каким товаром»*. Разрядная книга уточнила потом эти сведения — город и пристань ставились в десяти верстах от Ивангорода *«на море для бусного приходу заморских людей»*. Замысел этой новой стройки, завершенной спустя несколько месяцев, более чем прозрачен — перенацелить торговые потоки с Нарвы на русский город, *«пристань для корабленого пристанища»*.

Вне всякого сомнения, эти действия Ивана были восприняты Ордемом, не говоря уже о нарвитянах, привыкших богатеть на посредничестве, как очередной недружелюбный шаг со стороны москвитя. И, естественно, напряженность в окрестностях Нарвы должна была только возрасти, в особенности в конце 1557 г., когда военные приготовления русского царя стали более чем очевидны. Ружье, висящее на стене, рано или поздно должно было выстрелить, и оно выстрелило. Отправив Глинского и Шигалея опустошать земли дерптского епископа, Иван наказал окольному князю Д. С. Шестуну (который полгода назад охранял строительство крепости в устье Наровы), со своими людьми из гарнизона Ивангорода и *«охочими торонцики»* осуществить набег на орденские земли к северу от Чудского озера. Исполняя царский наказ, в январе 1558 г. князь под занавес своего пребывания в Ивангороде *«все те [нарвские] места повоевал и повыжег»*. В ответ нарвский фогт Э. фон Шнелленберг приказал обстрелять ивангородский посад. Бургомистр Нарвы и нарвские ратманы запросили тем временем, пока дорога была свободна от русских, в Ревеле помощи, и получили ее. Ревельские ратманы отдали приказ тамошнему

гауптману Вольфу Вигелю фон Штрассбургу с 60-ю аркебузирами (*hakenschutten*) выступать на помощь нарвлянам, сопровождая затребованные пушки и порох.

Ивангородские воеводы князь Г. А. Куракин, И. А. Бутурлин и П. П. Заболоцкий, памятуя о том, что между магистром и Москвой идет переписка относительно продолжения переговоров о заключении нового соглашения, запросили царского мнения о действиях в создавшейся ситуации. Долго ждать ответа не пришлось — отправив князя Г. И. Темкина-Ростовского со товарищи опустошать юго-восточную Ливонию, Иван послал дворцового дьяка Шестака Воронина, участника казанских походов и артиллерийского эксперта, в Ивангород с разрешением отвечать неприятелю *«изо всего наряду»*.

Последствия не заставили себя долго ждать. 20 марта 1558 г. ревельский комтур Франц фон Зигенхофен отписывал из Везенберга в Ревель тамошним ратманам и бургомистру, что русские возвели на подступах к Нарве три шанца и подвергли город и замок обстрелу, после чего 17 марта нарвляне запросили перемирия. Ивангородские воеводы согласились на две недели прервать обстрел. Однако не прошло и нескольких дней, как ситуация вокруг Нарвы снова резко обострилась. Кто в этом виноват — сегодня уже разобраться решительно невозможно. Обе стороны, как это водится, обвиняли друг друга в нарушении заключенного ранее перемирия. Однако Иван Грозный, терпение которого иссякало, в ответ на очередную воеводскую отписку, что *«де ругодивцы «через опасную грамоту стреляют и роздор делают, а сами сроку упростили на две недели, а всю две недели из наряду стреляют и людей убивают»*, приказал воеводам *«стреляти изо всего наряду по Ругодиву»*. Получив разрешение (а тут еще как раз истек срок прекращения огня), воеводы 1 апреля 1558 г. возобновили обстрел Нарвы. *«И стреляли неделю^о изо всего наряду, — пересказывал потом летописец воеводскую «отписку», — ис прямого бою из верхнево каменными ядры и вогнеными, и нужу им [нарвлянам] учинили великую и людей побили многих»*.

Своего апогея бомбардировка достигла в канун Пасхи, пришедшейся в 1558 г. на 10 апреля. Реннер писал, что 7 и 8 апреля, на Нарву упало

---

* Согласно ливонскому хронисту И. Реннеру — 9 дней.

по 300 *grote kugeln*. Русские блокировали город с моря (надо полагать, что именно тогда пригодились крепости, возведенные ранее на выходе из Нарвы в Финский залив), постоянно совершали вылазки на левый, «*немецкий*» берег реки, опустошая окрестности города. Население и гарнизон Нарвы начал испытывать нехватку провианта, а доставить необходимые припасы было неоткуда и не на что — нарвская казна была пуста, и даже наемным кнехтам и рейтарам платить было нечем. Помощи же от магистра, продолжавшего уговаривать «*лутчих ливонских людей*» решиться на войну с московитом, и Ревеля все не было и не было. И тогда в «*Великую субботу*» выехали к ним [ивангородским воеводам] *ругодивские посадники*** и били челом воеводам, чтоб им государь милость показал, вины им отдал и взял в свое имя», а «*за князьца**** *оне не стоят, воровал к своей голове, а от маистра они и ото всей земли Ливоньской отстали*». Промосковская «партия» в нарвском рате победила, и по ее настоянию было решено отправить в Москву посольство обговаривать условия перехода Нарвы в русское подданство.

Пока нарвское посольство во главе с главным московским добротом в Нарве И. Крумгаузенем было в пути, Иван Грозный, узнав о намерении нарвитян перейти в его подданство, отправил в Ивангород воевод боярина А. Д. Басманова и Д. Ф. Адашева. Кстати, о Крумгаузене. Нарвский первый бургомистр, оказывается, состоял в переписке с небезызвестным протопопом Сильвестром и его сыном Анфимом, государевым дьяком. Последние, совмещая приятное с полезным, активно занимались торговой деятельностью, в том числе и с Нарвой. И сам нарвский бургомистр незадолго до начала конфликта при посредстве Сильвестра «пробил» в Москве некие торговые привилегии лично для себя. Возвращаясь же к миссии Басманова и Адашева, отметим, что они получили царский наказ «*быти в Ругодивех, а солжут [нарвцы], и им [воеводам] велел делом своим и земским промышляти, сколько милосердый Бог поможет*». И для того, чтобы удостовериться в честности нарвитян и их неполживости, воеводам были подчинены «*дети*

---

* 9 апреля.

** Бургомистр И. Крумгаузен и ратманы.

*** То есть за Шнелленберга.

боарские ноугородцы Вотичкие пятины» и 500 стрельцов под началом голов А. Кашкарова и Т. Тетерина. Всего у них было до 1,5 тыс. «сабель» и «пищалей», а с приданными подкреплениями из Гдова, Ивангорода и того самого Неровского городка — не больше 2–2,5 тыс. ратных людей. С таким числом бойцов взять Нарву штурмом вряд ли было возможным, и, похоже, что воеводы действительно должны были проконтролировать процесс перехода Нарвы под государеву руку, защитив ее от возможной попытки магистрата отстоять свои права на город (ну и заодно припугнуть противников Крумгаузена и его сторонников внутри Нарвы).

Увы, все получилось не так, как рассчитывали в Москве. Пока Крумгаузен неспешно на перекладных ехал в московитскую столицу, в Нарве произошел мини-переворот, и верх в городском рате взяли противники ориентации на Москву. Басманову и Адашеву очень скоро пришлось в этом убедиться. Прибыв на место, они сперва отправили в Нарву *«сказати государьское жалованье»*, однако *«ругодивцы»*, придя в себя после памятной пасхальной бомбардировки, *«солгали»*, ответив русским воеводам, что они де не посылали своих послов к русскому государю с тем, чтобы *«от маистра отстати»*. Перемена в настроениях добропорядочных нарвских бюргеров объяснялась просто. Оказывается, магистр откликнулся, наконец, на очередной призыв о помощи. *«Кольванский князец»*, комтур Ревеля Ф. фон Зигенхофен, и *«князец вельянский»*, комтур Феллина Г. Кеттлер, сумели собрать под своим началом небольшую рать (согласно данным с «той» стороны — около 800 чел., в том числе 500 конных). С этими силами 20 апреля они подступили к Нарве, разбив лагерь в четырех милях от города. Получив весть об этом, *«ругодивцы промеж собою и крест целовали, что им царю и великому князю не здатца...»*.

Убедившись в том, что *«ругодивцы» «солгали»*, Басманов и Адашев решили «додавить» непонятливых бюргеров. Переправив часть своих сил на левый берег Наровы, они полностью окружили и блокировали город, не пропуская в него обозы с провиантом. Запаниковавшие нарвские ратманы 27 апреля отписали в Ревель, что из-за неприятельской блокады городу угрожает голод. Опасаясь, что безвыходное положение вынудит нарвитян снова переменить свое мнение, Кеттлер и Зигенхофен решили попытаться провести в город подкрепление и обоз. В ночь

на 1 мая 1558 г. отряд рижских и ревельских кнехтов во главе со своими гауптманами В. фон Зингехофом и В. фон Штрассбургом в сопровождении полусотни всадников попытались пройти в Нарву, но по дороге был обнаружен русскими заставами и атакован. С боем кнехты, потеряв 40 человек убитыми, ранеными и пленными, прорвались в Нарву, но обоз были вынуждены бросить. Эта неудача имела роковые последствия, тем более что ее эффект был усилен поражением, которое потерпело наутро конное ополчение Зигенхофена и Кеттлера. Но это стало очевидно спустя несколько дней, а пока ободренные полученной помощью, нарвские бюргеры и гарнизон окончательно решили отказаться от прежних договоренностей. Обстрел Ивангорода из нарвской артиллерии был возобновлен, русские не замедлили ответить, и, в конце концов, 11 мая в Нарве вспыхнуло несколько сильных пожаров. Как потом рассказывали бежавшие из Нарвы бюргеры и кнехты, заметив огонь и замешательство в городе, русские усилили обстрел города, а затем *«переправились на лодках и плотках, подобно рою пчел, на другую сторону, взобрались на стены и, так как нельзя же было в одно и тоже время и пожар тушить и врага отражать, то жители и убежали в замок, а город предоставили неприятелю»*.

Потушив занявшиеся было в нарвском посаде пожары, русские стрельцы и дети боярские начали готовиться к штурму нарвского замка, где засели остатки гарнизона и те из жителей города, которые успели укрыться в нем (остальным пришлось сидеть в замковом рву и дожидаться решения своей участи). Под аккомпанемент артиллерийской канонады (с русской стороны — замковая артиллерия Нарвы молчала) ратманы и гауптманы ландскнехтов собрались на совет. Оказалось, что замок совершенно не готов к долгой обороне — запасов в цитадели было всего ничего (три бочки-*tonnen* пива, немного ржаной муки и хлеба, лишь сала и масла было в достатке), совсем мало свинца и пороху оставалось всего на полчаса стрельбы. И когда вечером 11 мая к воротам Вышгорода снова подошел нарвский бюргер Бартольд Вестерманн, выступавший посредником в переговорах между русские воеводами и запершимися в цитадели гарнизоном, и предложил капитулировать, на этот раз *«прислали немцы бити челом, чтобы воеводы пожаловали их, князьца выпустили и с прибыльными людьми»*.

После кратких переговоров соглашение было достигнуто. И снова дадим слово летописцу — по его словам, царские «воеводы князьца и немец выпустили, а Вышегород и Ругодив Божиим милосердием и царя и великого князя государя нашего у Бога прошением и правдою его взяли, и с всем нарядом и с пушками и с пищальми и з животы с немецкыми^{*}; а черные люди доби́ли все челом и правду государю дали, что им быти в холопех у царя и у великого князя и у его детей вовеки».

А что же делал в это время Кеттлер? А, собственно говоря, ничего. Пламя от разгоревшихся утром 11 мая пожаров было замечено в его лагере, и комтур приказал спешно строиться и выступить на помощь Нарве. Однако в поход вступил лишь небольшой авангард, а вот главные силы орденского воинства из лагеря так и не выбрались до самого вечера. Ливонский хронист С. Хеннинг, участник тех событий, вспоминал впоследствии, что против приказа Зигенхофена и Кеттлера выступили некие харриенские и вирландские мужи, «рыцарство». Они (или выступившие от их имени фогты Зонебурга и Везенберга —?) были против выступления к Нарве, мотивируя это тем, что де неприятель задумал хитрую «стратагему». Стоит только доблестным ливонским воинам оставить укрепленный лагерь и двинуться на помощь Нарве, заявили они, как московиты, переправившиеся через Нарву, атакуют орденское войско с тыла (видимо, урок, преподанный «немцам» 1 мая, был хорошо усвоен, и пробовать еще раз, насколько остры русские сабли и меток огонь русских стрельцов, brave харриенские и вирландские парни не хотели).

Спор разрешился уже ночью, когда в лагерь вернулся авангард. Он сообщил орденским военачальникам, что подошел к Нарве на полмили (примерно на 3,5 км) и встали на холме Германсберг. Здесь его встретил посланец второго нарвского бургомистра Г. фон Молена. Гонец передал им весть, что в Нарве все в порядке, пожар потушен,

---

* Согласно Лебедевской летописи, в Нарве было взято «пушек больших и меньших 230», Реннер же, напротив, уполонивает эту цифру, сообщая, что в руки русских попало 3 *falkunen* и 2 *falkeneten* из Риги и собственно нарвских 3 *falkunen*, 28 *kleine stocke*, 3 *quarter slangen*, 42 *dobbeide haken* и 36 *teelnaken*, итого 117 пушек и всяких *haken*-гаковниц. Правда, русский летописец делает оговорку «и с пищалми», то есть можно предположить, что в 230 записаны были не только артиллерийские орудия всех калибров, но и ручное огнестрельное оружие.

и они решили вернуться обратно. Все вздохнули с облегчением — кризис как будто миновал, потому можно отправиться спокойно спать. А наутро они проснулись уже в другой реальности — в лагерь прибыли первые беженцы из Нарвы, рассказавшие от случившейся накануне трагедии. Шанс спасти город был безнадежно упущен

Итак, утром 12 мая 1558 г. русские войска заняли всю Нарву целиком. В Москву немедленно были отправлены сеунщики с радостной вестью, получив которую, Иван Грозный *«к воеводам и ко всем детям боярским послал со своим жалованием»*. Нарвская эпопея, длившаяся с февраля 1558 г., подошла к концу. Получив известие о том, что Нарва взята, Иван прервал переговоры с ливонскими послами, заявив тем, что ему и его людям *«Бог милосердие свое послал, Ругодив воеводы взяли»*. Потому он, государь, продолжал свою речь Иван, велел своим ратным людям *«над ыными городами промышляти, сколько им Бог поможет»*, с чем и *«отпустил государь послов безделных»* (по словам Б. Рюссова, *«царь обосновал свое нежелание и далее слушать речи послов тем, что он теперь де „у него денег довольно: он приобрел в Ливонии более, чем стоимость этих денег. А так как счастье благоприятствует ему, то он будет пользоваться им и утешаться при этом своим правым делом; деньги же пусть они отнесут назад своим господам“*). Увертюра к войне за Ливонское наследство была отыграна.

Летняя кампания 1558 г.

Падение Нарвы стало, судя по всему, переломным моментом в истории Ливонской войны*. Та легкость, с которой Басманов и Адашев с немногими людьми овладели этим городом, и выявившаяся нагляднее некуда неспособность Ливонской конфедерации (впрочем, эта неспособность, как показали дальнейшие события, была в Москве несколько преувеличена) противостоять действиям русских войск, повлекли перемены в настроении царя. Если на первых порах речь шла о том, чтобы вынудить ливонцев признать свой вассальный по отношению к Москве статус, то теперь на повестку дня встал вопрос о разделе наследства, как оказалось, тяжело, чуть ли не смертельно «большого человека» Северо-Восточной Европы. И, учитывая, что симптомы

* Напомним, что в данном случае речь идет о боевых действиях в 1558–1561 гг.

этой болезни зимой-весной 1558 г. проявились как нельзя более ярко, нужно было, не теряя времени, застолбить свою, и лучшую, долю в его наследстве. Как писал А. И. Филюшкин, со взятием Нарвы *«перед Иваном Грозным открылись новые волнующие перспективы. Он осознал, что, захватив города, порты и крепости Ливонии, он получит гораздо больше, чем какую-то дань»*. Собственно, именно это и услышали несчастные ливонские послы в мае 1558 г. из уст царских дипломатов, передавших слова Ивана.

И пока железо было еще горячо, московский государь начал ковать его, не откладывая дело в долгий ящик. В большой спешке, экспромтом, по его наказу *«для большово дела»* была отряжена *«к Сыренску* и к иным городом немецким»* рать во главе с одним из лучших полководцев Русского государства того времени псковским воеводой князем П. И. Шуйским. Поспешность, с которой собиралась рать, сказалась на ее действиях — в бой она вступало постепенно, по частям. Первым в *«большое дело»* ввязались посланные из Нарвы на Сыренск Д. Ф. Адашев и П. П. Заболоцкий. Выслав вперед конные сотни новгородских детей боярских и *«князеи казанских Кострова и Бурнаша с товарищи»*, которым приказал *«дороги от Колывани и от Риги позасечи для маistroва приходу»*, Адашев с главными силами двинулся непосредственно к Сыренску. Тем временем включенные в состав рати Адашева стрельцы под началом головы Т. Тетерина вместе с нарвским *«нарядом»* (которым командовал дьяк Шестак Воронин) на стругах на веслах и бечевой выгрести против течения Нарвы.

3 июня немногочисленная рать Адашева (судя по летописным сведениям, за исключением отосланных на Колыванскую и Рижскую дорогу людей, кроме стрельцов Тетерина, а их вряд ли было больше 2 сотен, под рукой у Адашева было 3 сотенных головы и, следовательно, порядка 500–600 детей боярских и их послужильцев) появилась под стенами Нейшлосса. Не давая противнику опомниться, русские немедленно приступили к осадным работам — *«наряд ис судов выняли и туры поставили»*. 5 июня *«туры круг города изставили и наряд по всем туром розставили, а стрелцов с пищальми пред турами в закопех поставили»* после чего русские пушкари *«учали по городу стреляти*

---

* Нейшлоссу.

изо всего наряду ис пищалеи по воином». В этот же день из Новгорода к осаждающим на помощь пришел воевода князь Ф.И. Троекуров «с немногими людми» (кстати, Реннер, описывая осаду Нейшлосса, полагал, что русских было аж 15 тыс. — то ли у страха были глаза велики, то ли ливонский хронист полагал, что московиты, как и полагается истинным варварам, побеждают только числом, а потому и завысил безбожно численность русской рати — Бог весть).

Прибытие Троекурова стало последней соломинкой. Сыренский фогт Дирих фон дер Штейнкуле решил не дожидаться, пока русские пушкари пробьют брешу в старых стенах Нейшлосса, после чего свирепые московитские дети боярские и стрельцы пойдут на приступ, и сдался на третий день после начала канонады. *«Июня в 6 день князец Сыренской воеводам добибли челом, — писал русский летописец, — из города выпросился не со многими людми, а животы ево и доспехи и наряд весь городовоу воеводы поимали, а князца выпустили обыскав, безо всякого живота». 7 июня русские вступили в Нейшлосс, и воеводы отправили в Москву новый победный сеунч. Обрадованный полученной вестью, царь «благодарение воздал и молебны велел пети и со звоном. А воеводам послал со своим з золотыми столника своего Григория Колычова».*

Взятие Нейшлосса-Сыренска открыло череду совершенных в эту кампанию воеводами Ивана Грозного «градоимств». Следующим на очереди стояли Нойхаузен-Новгородок и сам Дерпт-Юрьев, столица Дерптского епископства. Для взятия Дерпта П.И. Шуйский собирал во Пскове немалую (по меркам Ливонской войны) рать — 5 полков с 47 сотенными головами (около 8–9 тыс. детей боярских с послужильцами) и, по меньшей мере, 2 стрелецких приказа, А. Кашкарова и Т. Тетерина (вместе самое большее 500–600 стрельцов). Примечательно, что один из первых историков этой войны, Т. Бреденбах, не поскупился и определил численность царской рати ни много ни мало, а в 80 тыс. чел.!

15 июня 1558 г., спустя неделю после взятия Сыренска-Нейшлосса, полки Шуйского подступили к Нойхаузену-Новгородку, важной пограничной крепости Дерптского епископства. Командовавший гарнизоном Нойхаузена Йорг фон Икскуль отказался сложить оружие и сдать замок неприятелю и сел в осаду. Русский летописец отмечал,

Дерпт. Собор Петра и Павла

(Фото Филюшкина А. И.)

что *«билися немцы добре жестоко и сидели насмерть»*. И снова, как под Нейшлоссом, главную роль во взятии Нойхаузена сыграли русские пушкари и стрельцы. Когда стало ясно, что ливонцы не намерены сдаваться, *«воеводы велели головам стрелецким Тимофею Тетерину да Андрею Кашкарову туры поставить блиско города и наряд подвинути к городу»*. Под прикрытием мощного артиллерийского огня (С. Хеннинг писал, что звуки канонады под Нойхаузенем были слышны в окрестностях замка Кирумпе, где разбил свой укрепленный лагерь

Фюрстенберг и дерптский епископ Герман со своими немногочисленными рыцарями и кнехтами) стрельцы Тетерина и Кашкарова *«туры поставили у города у самово»*. И после того, как русские пушкари *«из норяду збили стрелню, а города розбили много»*, стрельцы пошли на приступ. Немецкие кнехты были сбиты со стен и отброшены в цитадель Нойхаузена, которая подверглась мощному обстрелу из пушек и пищалей. И поскольку Реннер уверенно говорит, что город был взят русскими в результате предательства, надо полагать, что Икскуль не стал дожидаться кровавой резни, которая неизбежно воспоследовала бы за новым штурмом, отбивать который у него было ни сил, ни желания, и договорился о сдаче. Во всяком случае, обвинять Икскуля в предательстве можно только в том случае, если есть желание обелить действия Фюрстенберга. Магистр, пока шла осада замка, стоял от него всего в одном переходе и не сдвинулся с места, предприняв всего лишь одну вылазку 17 июня из своего лагеря.

30 июня русские вступили в Нойхаузен, отпустив остатки его гарнизона восвояси (и по дороге они были ограблены подчистую). К царю были отправлены с сеунчем учатники осады князь Б. Ромодановский, Е. Ржевский и Ф. Соловцов, и *«к воеводам государь з жалованьем з золотыми послал Игнатию Заболоцкого»*. Сами же воеводы, не дожидаясь царской награды, *«устроя Новгородок и людеи в нем оставя хотели идти с маистром и з бискупом битца, искать над ними дела государева и земского сколко милосердыи бог поможет»*.

Падение Нойхаузена открыло дорогу русским к сердцу Дерптского епископства и к самому Дерпту, и они не замедлили туда явиться. 6 июля передовые отряды рати Шуйского объявились под замком Варбек, что неподалеку от Дерпта, который был взят без сопротивления. В лагере Фюрстенберга царил разброд и шатание, и магистр не рискнул вступать со своим деморализованным воинством в бой с русскими, свернул лагерь и начал поспешное отступление. Отход превратился в бегство, в ходе которого его арьергард был растрепан отправленным вдогон воеводами А.И. Шеиным и Д.Ф. Адашевым *«яртоулом»*, которым командовали Б. Колычев и Т. Тетерин, и подоспевшими к нему на помощь сотнями Передового полка. По словам псковского летописца, *«наши за ним ходили, и многих догоняя били немец»*, а составитель Львовской летописи к этому добавлял, что *«ертаулы*

за ним^{*} гоняли верст с пятнадцать и немногих людей угонили и побили, а телеги и жеребцы многие поимали». Добавим к этому сообщение С. Хеннинга, согласно которому командовавший арьергардом Г. Кеттлер с трудом спасся от плена. Любопытно, что было бы, если русским всадникам удалось бы взять его в плен — смогла бы тогда «польская» партия в Ливонии сохранить свое влияние на политику конфедерации? И как бы тогда повернулись события?

Но вернемся к событиям, последовавшим после падения Нойхаузена и бегства орденской рати из окрестностей Кирумпе. Не прошло и недели, как войско Шуйского сухим и водным (по Чудскому озеру) путем вышло к Дерпту. 8 июля перед глазами дерптцев открылась величественная и ужаснувшая их картина. Как писал Э. Краузе, участник тех событий, *«широким фронтом неприятель тремя большими густыми колоннами^{**}, прикрываясь несколькими сотнями гарциующим врассыпную всадников, наступал на нас»*.

Подступив к городу, русские немедля начали осадные работы, развивавшиеся с точностью часового механизма по уже отработанному сценарию, в котором все роли были заранее расписаны и отрепетированы участниками не один раз. По словам летописца, *«как пришли воеводы к Юрьеву и наряд из судов выняв и стрельцы у города перед турами закопались и з города немцов збили»*. Важную роль в начавшейся осаде Дерпта, по свидетельству упомянутого выше Э. Краузе, сыграли немногочисленные^{***} стрельцы под началом голов Тетерина и Кашкарова. Именно на их плечи (еще раз подчеркнем, что всего их было не больше пятисот, а, скорее всего, и меньше) легла главная тяжесть осадных работ и повседневная боевая работа в *«закопех» «перед турами»*. Попытки дерптцев делать вылазки не имели успеха. Стрельцы, псковская посоха и послужильцы детей боярских упорно, невзирая на сопротивление неприятеля, рыли траншеи, возводили шанцы и батареи под доставленную водой из Нарвы артиллерию. По ливонским меркам ее численность была более чем достаточна. Краузе упоминает 6 медных мортир, метавших в город ядра и зажигательные

---

* За немецким арьергардом.

** Бреденбах снова не поскупился и исчислил количество русских в 300 тыс.

*** Sic! — именно так характеризует их число Краузе.

снаряды-*feuerbelle*, а также несколько *grossen stücken geschütz*. Реннер пишет о 8 *kartouwen* (картаунах), 2 *grote fuirmorsers* (больших огнеметательных мортирах) и «*других больших и малых пушках*», *andern geschutte klein und groth*. Другой немецкий источник пишет, что в шанцах русские установили 14 *slangen* и *kartowen*. Так или иначе, для уставевших укреплений Дерпта, как показали дальнейшие события, этого оказалось вполне достаточно.

11 июля 1558 г. русская артиллерия начала бомбардировку, «*стреляющее, ово огнистыми кулями, ово каменными*», и спустя шесть дней непрерывного обстрела положения города стало безнадежным. Русские пушкари «*стену городовую розбили и в городе из наряду многих людей побили*». Решимость русских была очевидна, среди горожан не было единодушия, ряды его защитников редели от русского огня и дезертирства. Надежды же на деблокаду не было, ибо Фюрстенберг в ответ на просьбы о помощи, по словам Ниенштедта, отвечал, что он «*сердечно сожалеет о печальном состоянии города и высоко ценит твердость епископа и почтенной общины; он весьма не одобряет поступок дворян и ландзассов, покинувших своих господ, что конечно в последствии послужит им к позору. Он [магистр] желает, чтобы другие оказали такое мужество, на какое только способен человек, для защиты славного города. Но несмотря на все его сожаление, он видит, что ему не удастся в настоящее время оказать сопротивление такому громадному, как то он узнал из всех разведываний, войску, какое находится теперь у врага, но впрочем он будет усердно молиться милостивому Богу за них, и день и ночь думать о том, как бы набрать побольше народа для войска*».

Что оставалось делать епископу Герману, человеку совсем не воинственному, в этой ситуации? Ждать, пока русская артиллерия пробьет брешь в стене (а в том, что она это сделает, и сделает очень скоро, сомнений не было), достаточную для того, чтобы «свирепые и дикие» московские дети боярские и стрельцы пошли на штурм (отразить который гарнизон Дерпта не мог) со всеми вытекающими отсюда последствиями? Или же последовать примеру Нарвы, Нейшлосса и Нойхаузена, сдаться на милость победителя, тем более русский большой воеводы, князь Шуйский, еще до начала осады предлагал епископу добровольно принять подданство московского государя?

И епископ сделал выбор — как писал псковский летописец, «*бискоуп и немцы посадники воеводам князю Петроу Ивановичю с товарищи град Юрьев здали по мирному совету, июля в 20 день, на том, што им жити по старине, и с царевыми и великого князя наместники соудити судиям их, и из домов их и из града не извести*». В сдавшемся городе русские взяли богатую добычу. Так, согласно Лебедевской летописи, «*пушек взяли болиших и менших пятсот пятдесят две пушки*» (Реннер называет еще большее число — 700 *stucke geschutte klein und gross*, а рижский хронист сообщает, что помимо нескольких *slange* и *kartowen*, русские захватили 120 *nye gegaten valkeneten* и множество других *gegaten und gesmedet schutte*), не считая всякого рода «животов». Б. Рюссов (конечно, несколько преувеличивая ради красного словца), писал, что «*невозможно описать сколько сокровищ взял московит в этом городе деньгами, серебром и золотом, и всякими драгоценностями и уборами от епископа, каноников, дворян и бюргеров. От одного лишь дворянина, по имени Фабиана Тизенгузена, московит взял более 80000 талеров чистыми деньгами*». Ради таких трофеев стоило постараться!

Падение Дерпта для Ливонской конфедерации стало ударом еще более сильным, нежели падение Нарвы, и до основания потрясло ее здание. По существу, вся восточная Ливония оказалась во власти Ивана Грозного. Замки и городки падали к ногам русского царя и его воевод подобно переспевшим грушам — князь Курбский писал, что в ходе этой кампании русские «*того лета взяхом градов немецких с месты близу двадесяти числом*». Орденские и епископские чиновники и должностные лица в панике бежали, покидая их и не пытаясь организовать оборону. Местные же жители «*били челом*» царским воеводам, чтобы они от царского имени «*их пожаловали, не велели воевати*», и «*князь Петр [Шуйский] с товарищи послал головы з детьми боярскими, и головы городки все позасели и черных людей х правде привели*». Если бы Иван Грозный хотел действительно покорить всю Ливонию, то лучшего момента, чем в конце лета — начале осени 1558 г., у него не было! Обветшавшее здание конфедерации, разъедаемое противоречиями, грозило вот-вот обрушиться. Как писал Г.В. Форстен, «*между дворянством и орденом возникли препирательства; орденские чиновники обвиняли дворянство в безучастии к несчастной судьбе*

Ливонии, дворяне ставили в вину ордену, что он не доставлял достаточного числа ландскнехтов. Бюргеры думали лишь о своих городских привилегиях», ну а крайними, как это обычно бывает, оказались ливонские «мужики», крестьяне, брошенные фактически на произвол судьбы. Фюрстенберг, не сумевший организовать отпор русскому вторжению, стремительно терял остатки и без того небольшого авторитета и влияния, и в этих условиях подняла голову «партия» сигизмундовых симпатизантов, сумевшая добиться избрания на пост магистрова коадьютора феллинского комтура Г. Кеттлера, сторонника ориентации на Польшу. Но пока ливонцы судили-рядили о том, что делать дальше, разброд и шатания в стране продолжали нарастать. Мелкие отряды русских и татарских всадников, рассыпавшись *«войной»* по восточной и северной Ливонии, селя хаос и анархию, добирались до самых окраин Ревеля. Но их действия оставались булавочными уколами, не имевшими тех последствий, как действия ратей Шуйского или Басманова. Кто знает, что было бы, если бы под Ревель явился бы сам псковский наместник со всем своим многотысячным воинством и немалым нарядом, а не несколько десятков всадников? И как бы тогда отреагировали ревельские ратманы на июльские и августовские предложения воеводы принять подданство московского государя?

Но этого не случилось. Кампания была на излете, войско устало, многие ратники не выходили из походов и боев с зимы 1557/1558 гг. и нуждались в отдыхе, *«запас себе пасти и лошадей кормить»*, готовясь к новой кампании. Да и боеспособность войска оставляла желать лучшего — взятые в сбою *«животы»* сковывали его подвижность, да и сами русские полки существенно поредели, и не столько от потерь убитыми, ранеными, заболевшими и пленными, сколько от отъехавших по домам по разным причинам детей боярских и их людей. Оставляя немногочисленные гарнизоны во взятых городах и замках, царские рати потянулись на зимние квартиры.

И под самый занавес летней кампании 1558 г. случилось еще одно важное событие, имевшее далеко идущие последствия — в русско-ливонский конфликт вмешалась Дания. Ее король Кристиан III решил поучаствовать в разделе ливонского наследства и заявил о своих претензиях на северо-западную Ливонию с Ревелем и владения эзельского епископа. В августе 1558 г. датские послы прибыли в Дерпт,

где задержались на некоторое время, ожидая «опасной грамоты» для продолжения путешествия в Москву. Круг участников конфликта начал расширяться.

Осенняя кампания 1558 г. Рингенское «сидение»

Тем временем, воспользовавшись паузой, великодушно предоставленной им русскими, Фюрстенберг (а фактически его заместитель-коадьютор Кеттлер) и рижский архиепископ Вильгельм (а точнее, рижский пробст Ф. фон Фелькерзам) начали готовиться к контрнаступлению. Из ганзейских городов в Ригу и Ревель доставлялись морем закупленные порох и артиллерия, морем же и пешком, через Пруссию, в Ливонию прибывали нанятые в Германии отряды рейтар и ландскнехтов, в орденских владениях, в землях рижского архиепископа и в городах, не попавших под власть «тирана и врага», проводилась мобилизация. Все эти экстренные меры позволили собрать под знаменами Кеттлера и Фелькерзама внушительное (по ливонским меркам) воинство. Любопытно, что показания ливонских и русских источников сходятся в определении его численности. Так, псковская летопись сообщает, что де взятые с бою языки, «немцы и латыши», сказывали — с «маистром» де рати «боле десяти тысяч», некий Маттиас Фриснер писал герцогу Финляндии Иоганну* что под началом коадьютора** находится 2 тыс. конницы, 7 тыс. кнехтов и 10 тыс. *bauern* (крестьянское ополчение —?). Ревельские же ратманы отписывали в Або, что у Кеттлера 4 тыс. конницы и 15 *fendtlein* (феннлейнов, «знамен», рот) кнехтов (около 4–7 тыс. чел, в зависимости от того, сколько людей было в роте), не считая 8 *fendtlein* немецких кнехтов (ландскнехтов —?) и 8 же *geschwader* (рот) рейтар, которые он намерен отправить в Ревель для противодействия набегам русских.

Целью похода, к которому готовился Кеттлер и его напарник, был, судя по всему, Дерпт-Юрьев. Во всяком случае, Фюрстенберг в письме зоннебургскому комтуру Р. Гилшайму 5 октября 1558 г. отмечал, что Кеттлер вместе с присоединившимися к нему силами рижского

---

* Будущему королю Швеции Юхану III.

** Кеттлера.

архиепископа намеревался наступать на Дерпт. Обстановка благоприятствовал намерениям коадьютора. Русских войск, оставшихся «на годованье» во взятых ливонских городах и замках, было немного. Так, взятый ливонцами в плен некий Антоний показал на допросе, что в августе 1558 г. в Дерпте находилось всего лишь 1,5 тыс. русских (два дерптских бюргера, Я. Нойхус и П. Визе, в конце сентября 1558 г. прибыли в Ревель и сообщили тамошним ратманам, что де русских в Дерпте всего лишь 1 тыс. чел., а тяжелая артиллерия насчитывает 20 стволов, не считая мелких орудий), не меньше людей было в Нарве (в том числе 200 *hakenschutzens*), и около сотни в Везенберге. Другой пленный, Петр, подтвердив сведения Антония, сообщил также, что в Лаисе разместились гарнизон в сотню воинов, 90 человек в Рингене и сотня — в Лаисе. По сообщению же датских послов (о которых речь шла выше) всего у Шуйского в восточной Ливонии было около 3,5 тыс. пехоты и конницы. Понятно, что эти 3,5 тыс. ратных людей были разбросаны по тем самым «градов немецких с месты близу двадесяти числом», и положение русских в завоеванной ими восточной Ливонии в случае, если неприятель нанесет контрудар, становилось критическим. Кеттлер и Фелькерзам получали отличную возможность разгромить московитов по частям еще до того, как они смогут собрать сколько-нибудь существенные силы в кулак и ударить им по ливонской рати. И к этому стоит добавить, что коадьютор надеялся, и не без оснований, на помощь «пятой колонны» в том же Дерпте, которая могла ударить в спину русскому гарнизону, когда орденско-рижское войско подступит к стенам города.

Увы, несмотря на то, что мелкие отряды русских продолжали свои набеги весь конец лета и начало осени 1558 г., вскрыть приготовления ливонцев к контрудару остались для русских воевод незамеченными. Надо полагать, что дети боярские увлеклись сбором добычи, позабыв про обязанность добывать разведывательные данные о намерениях противника. В итоге в Москве решили, что с врагом покончено и праздновали победу — ожидать каких-либо неприятностей со стороны поверженного неприятеля не стоит, а потому «велел государь воеводам ехать к себе... И князь Петр Иванович [Шуйский] с товарищи государя наехали у живоначалныя Троицы в Сергиеве монастыре. И царь и государь их жаловал любовными и приветными словесы...

Ринген

(Фото Филюшкина А. И.)

и их праведную прямую службу похваляя и жалование великое им обещаая, и веле им ехати за собою в село свою в слободу Александровскую. И в слободе государь бояр и всех воевод жаловал шубами и кубки и аргамаки и кони и доспехи давал им и землями и кормление им довольно пожаловал». Не остались в накладе и дети боярские-участники кампании, которых Иван «многим своим жалованием жаловал, шубами и ковши и камками и денгами и конми и доспехом и кормлением и поместьи». Одним словом, русские праздновали победу, и тем более неожиданными были известия, которые поступили в Москву в первых числах октября 1558 г.

26 сентября 1558 г. Кеттлер с 1,5 тыс. конницы и 6 феннлейнами кнехтов (около 2 тыс. чел.) выступил из Вольмара. 1 октября его передовые отряды объявились в окрестностях небольшого замка Рингена,

занятого русскими вскоре после падения Дерпта. Командовавший гарнизоном Рингена голова Русин Игнатъев спешно послал гонца в Дерпт к тамошнему наместнику с тревожной вестью, а сам со своим людьми (а и было их немного — по сообщению летописи, «*сорок сынов боярских да пятьдесят стрельцов*»), а псковская летопись дополняет эти сведения — согласно ее сведениям, в «*Рындехе*» было «*всех наших в городке том 140 человек, и з детми боярскими всяких людей*») сел в осаду. 4 октября к Рингену подошел с юга, от Шваненбурга, с 600 всадниками и 3 тыс. пехоты (те самые *buren* — ополчение?) Фелькерзам. Соединенное войско Ордена и рижского архиепископа плотно обложило Ринген, намереваясь взять его в кратчайший сроки — наступая на Дерпт, Кеттлер не хотел оставлять у себя в тылу эту «занозу». Однако Игнатъев спутал все планы коадьютора. Полагаясь на поддержку «пятой колонны» в Дерпте, Кеттлер не взял с собой тяжелой артиллерии, рассчитывая компенсировать ее отсутствие быстротой и стремительностью своих действий. А тут такая незадача — эти полторы сотни москвитов засели пусть и в хилом и слабеньком, но все же замке, взять который без артиллерийской поддержки быстро было проблематично. Пришлось запрашивать дополнительные силы. В Венден, к магистру, были посланы первые пленные, взятые под Ранденом, и требование подкреплений и осадной артиллерии. В свою очередь, Фелькерзам отправил гонца за тяжелыми пушками в Динамюнде. 6 октября 1558 г. Фюрстенберг выслал Кеттлеру из своей резиденции 3 феннлейна (около 1 тыс. чел.) кнехтов. Но было совершенно очевидно, что пока они по размытым осенними дождями дорогам доберутся до лагеря коадьютора, пока тяжелые пушки с огромными трудностями через грязь будут доставлены к Рингену и примутся за свою разрушительную работу — пройдет немало времени, а оно стремительно уходило, ибо всякое промедление играло на руку русским.

Тем временем оставшийся на хозяйстве в Дерпте вместо отбывшего в Москву за наградами князя Шуйского князь Д. И. Курлятев, получил известие от рингенского головы, спешно начал готовиться к осадному сидению. 2 октября он отправил вестника в Москву, стремглав поскакавшего к царю с известием о переходе неприятеля в контрнаступление. А пока донесение на перекладных летело в Москву, князь занялся искоренением измены в городе и немало преуспел в этом.

По сообщению Ниенштедта, *«все дерптские бюргеры и кто только был способен носить оружие были отправлены из города в Псков. Там их разместили у псковских бюргеров и не отпускали до тех пор, пока магистр отступил от Рингена в рижскую епархию; тогда их снова возвратили в Дерпт»*. Реннер же к этому добавлял, что 21 дерптца сперва подвергли бичеванию, затем им отрубили пальцы на руках и ногах, а потом — и головы. Разгромив изменников, Курлятев постарался привести Дерпт в боеготовое состояние. Как писал 14 октября 1558 г. Фюрстенберг в письме бургомистру и ратманам Ревеля, по словам пленного русского боярина, русские стягивают свои силы для обороны Дерпта, оставляя остальные замки и городки епископства. Из плана Кеттлера был выбит второй важный кирпичик (первый выбил Русин Игнатъев, отказавшись сложить оружие).

В русской столице новость от юрьевского воеводы прогремела как гром среди ясного неба. Не так уж и давно отгремели торжества по случаю одоления ливонцев, розданы награды, из возвращенной *«отчины»* продолжают поступать победные воеводские *«отписки»* об успешных действиях отдельных русских отрядов, и вдруг такой «сюрприз» от, казалось бы, уже практически разгромленного и неспособного к каким-либо активным действиям неприятеля. Естественно, в Москве поторопились принять необходимые контрмеры, и к Курлятеву полетел гонец с царским наказом и росписью воевод из Разряда. Согласно этой росписи, спешно собираемое для отпора ливонцам и деблокады Рингена войско должен был возглавить раковорский воевода князь М.И. Репнин (хотя, если верить летописным свидетельствам, формальным командующим был князь Иван Маашик Черкасский). Правда, сил, выделенных на помощь осажденному гарнизону Рингена, было немного. Как писал московский летописец, посланы *«с воеводами люди немногие, да и те истомны добре»*, а псковский добавлял к этому, что и было тех *«истомных»* людей мало, *«всего тысячи з две»*. Судя по всему, в Москве решили для ускорения сбора рати мобилизовать ратных людей с Псковщины и Шелонской пятины — непосредственно прилегающих к району боевых действий. Однако это решение накладывало серьезные ограничения на действия воевод. Со столь немногими силами, без пехоты и артиллерии, они были обречены на ведение «малой» войны, не имея реальных возможностей нанести поражение Кеттлеру

и силой заставить его снять осаду с Рингена. Не совсем понятно, правда, чем объясняется выделение столь малого наряда сил для противодействия «*маистру*» — то ли Курлятев по каким-то причинам не сообщил в столицу о действительных размерах неприятельского войска, то ли Иван и бояре недооценили планы и возможности магистра и его помощников? Но факт остается фактом — против насчитывавшей примерно 8–10 тыс. чел. армии Ливонской конфедерации, состоявшей из конницы, пехоты и артиллерии, должна была действовать «*лехкая*» конная русская рать, уступавшая ей в численности по меньшей мере втрое. Одним словом, Русину Игнатьеву и его людям оставалось полагаться только на свои силы и на чудо.

Но чуда не случилось. Посланные из Вендена магистром кнехты и прибывшие вместе с ними еще 400 всадников позволили Кеттлеру, по словам Реннера, 11 октября 1558 г. «*надежно обложить*» Ринген. Осталось дожидаться подхода осадной артиллерии, а пока, в она медленно ползла по грязи, ливонцы вели огонь по замку из бывших с ними легких пушек и перестреливались с осажденными из аркебуз и *stormhaken*. «*Маистр по городу бьет и приступает ежеден к Ринголу, — писал летописец, пересказывая воеводские отписки, — и Русин Игнатьев в приступах у них людей побивает, а наряду с маистром много...*». Насчет наряда, конечно, воеводы преувеличили — если бы с Кеттлером под Ринген прибыл бы сразу полноценный «*большой наряд*», то, конечно, малочисленному гарнизону замка пришлось бы или сложить оружие, или с честью погибнуть на руинах после кратковременного обстрела и последующего штурма превосходящими силами неприятеля. Однако ставка на молниеносный рейд к Дерпту подвела коадьютора, и, имея под рукой всего лишь несколько легких полевых орудий, взять даже такую небольшую и безнадежно устаревшую крепостцу, как Ринген, было невозможно.

Тем временем, пока Кеттлер и Фелькерзам сидели в лагере под Рингеном, постепенно собралась «*лехкая*» русская рать. Не имея пехоты и артиллерии, русская конница не могла штурмовать укрепленный лагерь неприятеля (как писал летописец, «*стоит маистр, окопался великим рвом и обозом одернувся кругом*»). Воеводам оставалось только «щипать» неприятеля, нападая на фуражиров и рассчитывая, что Кеттлер, не вытерпев, вышлет хотя бы часть своих сил в поле

сразиться с досаждающими ему русскими. Однако все попытки воевод заставить неприятеля принять «*прямое дело*» успеха не имели, коадьютор не пошел на риск, ожидая затребованных новых подкреплений (500 кнехтов, несколько сотен *buren* и 2 полукартауны-*halve kartouwen* из Вендена).

22 октября 1558 г. долгожданные полукартауны от «*маистра*» были доставлены под Ринген. Установленные на позиции, они немедленно открыли огонь по замку, старые стены которого (а Ринген был возведен еще в 1340 г.) сильно пострадали от обстрела. После этого Кеттлер послал 1 феннлейн кнехтов на штурм. Они сумели ворваться внутрь замка и даже взяли 6 пленных, однако защитники Рингена, по словам Реннера, готовые быть погребенными под руинами замка, стояли насмерть и выбили немцев обратно. Обозленный новой неудачей, Фюрстенберг приказал присланных ему коадьютором пленных повесить в отместку за казненных Курлятевым по подозрению в шпионаже дерптских бюргерах.

Отражение штурма 2 октября стало последней удачей Русина Игнатьева и его людей. Судя по всему, гарнизон понес существенные потери (не меньше трети, а то и больше, от первоначального состава), и, что самое главное, в лагере Кеттлера пришли к выводу (видимо, с показаний пленных и исходя из снижения интенсивности ответного огня со стороны защитников разваливающегося замка), что у русских заканчивается порох. 29 октября (30-го — согласно Реннеру) 1558 г. после нескольких дней непрерывного обстрела, орденские кнехты и наемники снова пошли на штурм и на этот раз успешно. Ринген пал. Маттиас Фриснер писал 11 ноября 1558 г., спустя полторы недели после завершения рингенской эпопеи, что торжествующие победители, захватившие во взятом ими замке несколько больших орудий, доставленных сюда русскими из Дерпта, и 200 ластов ржи, поспешили повесить 50 пленников, «*не считая других шельм*». Еще 95 скованных пленных, среди которых был некий знатный «*baijaren*» и «*woijwaden*» (надо полагать, речь шла о Русине Игнатьеве) с его сыном, в сопровождении одного *schwad*'ена (эскадрона) «*deutzscher reuter*» (немецких рейтар —?) были отправлены в Венден к магистру как знак одержанной победы. Их участь была не менее печальной. По словам А. Курбского, пленных, в том числе и рингенского «*ротмистра*» (то есть

Русина Игнатьева) неприятель *«мало не всех во презлых темницах гладом и зимою поморил»*. Однако их гибель не была напрасной. План Кеттлера и Фелькерзама налетом взять Дерпт не имел успеха, несмотря на то, что им удалось спустя 9 дней после падения Рингена нанести Репнину поражение, а затем совершить набег на псковское пограничье. Однако большего им добиться не удалось, а в январе 1559 г. царская рать во главе с воеводой князем С.И. Микулинским подвергла беспощадному опустошению земли рижского архиепископства и Ордена по левому берегу реки Аа (и в ходе одного из боев с русской конницей был убит Ф. фон Фелькерзам), отомстив с лихвой за погибших товарищей. Об этом ответном ходе Ивана Грозного и пойдет речь дальше.

Зимний поход 1558/1559 гг. князя С. И. Микулинского.

Еще до завершения осенней кампании по просьбе датских послов Иван согласился еще раз предложить ливонцам разрешить кризис миром и отправил грамоту в Юрьев (Дерпт) к тамошнему русскому наместнику воеводе князю Д.И. Курлятеву. В ней он *«велел послати от себя к маистру, чтобы государю царю бил челом и исправился во всем, а кровь бы христианская неповинная в том не розлилася»*. Однако магистр ответа не дал, и тогда Иван отправил магистру вторую грамоту, в которой заявил, что ливонцы сами во всем виноваты, не исполнили ни единого своего обещания, все время лгут и *«воруют»*, и теперь он, русский царь, намерен *«искать с них за неправды и за нарушение крестного целования, сколько ему Бог поможет»*. Виновниками же пролития крови, писал царь, будет не он, а *«лутчие» «ливонские люди»*. Стать же оружием царского гнева должна была рать князя С.И. Микулинского со товарищи, собиравшаяся во Пскове и других близлежащих городах.

Перед ратью царь поставил задачу *«ити воиною к Риге»* и *«велел им государь воевати дороги и, где маистр их встретить, велел дело свое земское с ним делати, сколько им милосердый Бог помочи подаст»*. Как видно из царского наказа, Микулинский и его ратники должны были повторить успех предыдущего зимнего вторжения, но на этот раз опустошить владения Ордена и рижского архиепископа, которые в прошлый раз были опалены войной лишь отчасти, краем. И, надо полагать,

Иван и его советники полагали, что новая наглядная демонстрация мощи и величия русского оружия (с одновременной не менее наглядной демонстрацией бессилия и немощи Ордена — времена Плеттенберга давно миновали) ускорит согласие магистра и прочих «лутчих» «ливонских людей» принять мир на его, ивановых, условиях.

В соответствии с поставленной задачей было и войско, собравшееся к концу 1558 г. на границе. Под началом 10 полковых воевод в пяти полках «ходили» 47 сотенных голов, а также 5 городских воевод со своими людьми (согласно показаниям взятых ливонцами пленников, каждый русский ратник имел по две лошади и был хорошо экипирован), татары, «люди казанские горные и луговые», «темниковские и цненские люди», «люди кадомские» (надо полагать, что мордвини и черемисы выступили в поход на «ртах» — зима, как-никак, а лыжники зимой очень пригодятся) и небольшой наряд. Кстати, этот наряд был «лехким», что подчеркивают источники с «той» стороны. Датские послы в письме своему королю 19 февраля 1559 г. сообщали, к примеру, что русские в ходе своего рейда не взяли ни одной крепости, поскольку не имели никаких орудий (*geschutz*), и в орденской переписке также подчеркивается, что у русских нет настоящих пушек (*geschutz*), а есть лишь *kleine stuklein felttgeschutz* или *Falckenetell*. И еще одна деталь, касающаяся «наряда» — взятые русскими воеводами в поход легкие пушки были установлены на салазках. Кроме того, Микулинский имел еще и конных и пеших стрелков-«*hakenschutzenn*» (из протоколов допросов ливонцами пленных следует, что в Передовом полку было 600 конных *hakenschutzenn*, а в Большом полку — целая тысяча, надо полагать, конных или посаженных на сани для большей подвижности)

По опыту аналогичных зимних походов можно предположить, что под началом князя Микулинского со товарищи было до 15 тыс. «сабель» и «пищалей», а вместе с обозниками-кошевыми (с «лехким кошем с ествою» и «с юки») — и все 20 тыс. И хотя это не 130-тысячная «*wütenden Horde*» Хеннинга и не 50 тыс., сказанных на допросе неким слугой *boyarenn'a Federin'a*, тем не менее, 20-тысячная рать по тем временам, особенно по ливонским меркам, представляла более чем серьезный *ultima ratio regis*, вполне достаточный для того, чтобы вразумить «ливонских немцев».

Кстати, численность русского войска позволяет понять, почему оно предприняло наступление 7-ю колоннами. При конном войске в 18–20 тыс. чел. должно было быть не меньше 40 тыс. лошадей, а то и больше, а обеспечить 40–50 тыс. лошадей фуражом даже в достаточно густонаселенной Ливонии было бы весьма проблематично, если бы такое войско двигалось по одной–двум дорогам, не говоря уже о том, что широкий фронт наступления позволяя подвергнуть опустошению значительную по площади территорию, способствуя тем самым не только дальнейшему падению военного потенциала как Ордена, так и рижского архиепископства, но и давал возможность детям боярским и татарам поживиться за счет захвата полона и «животов», а этот мотив был отнюдь не последним в их мотивации на участие в войне. Успешные, добычливые походы способствовали поднятию морального духа и еще большему рвению на службе государю. Напротив, неудачи, малая добыча или, паче того, потери, вели к снижению заинтересованности царских ратников в дальнейшем участии в боевых действиях, и, как следствие, падению боеспособности поместной конницы.

Несколько слов о времени самого похода. А. Л. Хорошкевич писала, что «военная тактика России на западе исходила из традиций антиордынских и антиказанских походов, совершавшихся исключительно в летнее время». Ниже, правда, она оговорила, что бывали и исключения, например лыжный поход князя С. Курбского за Урал в 1499 г., однако, если проанализировать разрядные записи, то нетрудно заметить, что зимние кампании для русских отнюдь не были новинку. Лишь несколько примеров. Еще отец Ивана Грозного Василий III зимой 1512/1513 г. предпринял грандиозную военную экспедицию против Смоленска. Зимой 1534/1535 г. русская рать предприняла опустошительный поход в пределы Великого княжества Литовского, сам Иван Грозный дважды ходил на Казань зимой, прежде чем взял ее осенью 1552 г., и, наконец, походу князя Микулинского предшествовал опустошительный набег русских и татар на Ливонию зимой 1558 г. Так что зимние походы для русских и татар вовсе не были нечто из ряда вон входящим, и, кстати говоря, английский дипломат Р. Ченслер, говоря о невероятной выносливости русских и их способности переносить тяготы военного времени, писал, что «никакой холод их не смущает,

хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более, чем на ярд». И далее он, обращаясь к своим читателям, спрашивал: «Много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы месяц?».

И выбор времени оказался верным. Ливонцы, как и год назад, несмотря на неизбежность русского ответа на осенний контрудар Кеттлера, оказались неготовы к отпору, поскольку собрать распущенные по завершению осенней кампании отряды наемников быстро оказалось невозможным, а имевшихся в распоряжении Кеттлера крайне немногочисленных сил, разбросанных по отдельным замкам и городкам и отделенных друг от друга, как доносили датские дипломаты своему королю, 10, 20, 30 и 40 тысячами сил оказалось недостаточно для того, чтобы противостоять наводнившим орденские и архиепископа Рижского земли русским и татарским отрядам.

Но вернемся к самому походу и его истории. Подождав некоторое время ответа на посланную грамоту им не получив его («и в декабре от маистра ни с чем отписка не была»), царь отдал приказ начать операцию. Передовые отряды рати С.И. Микулинского перешли рубежи, отделявшие занятые русскими владения дерптского епископа от земель Ордена и рижского архиепископа, 15–16 января 1559 г., а 17-го числа в движение пришли главные силы «*wütenden Horde*». Вторжение началось.

Дальнейший ход событий можно проследить, взяв за основу переписку должностных лиц Ордена, письма датских послов, направлявшихся в Москву и застигнутых набегом в Ливонии, а также «*рапорт*»-отписку, отправленный воеводами царю по возвращению из похода. Анализ этих источников рисует следующую картину событий. Наступление шло широким фронтом — выше уже отмечалось, что, согласно ливонским источникам, русские перешли границу семью колоннами. Главные силы (согласно показаниям взятых в плен одного *bawren* и двух рядовых русских ратников, 18 тыс. при четырех *stucke kleins geschutzes*) двинулись вдоль левого берега реки Аа (нынешняя Гауя) по хорошо известному царским воеводам так называемому Гауйскому коридору (по крайней мере, до Вендена, поскольку именно здесь русские купцы должны были выгружать свои товары, а далее русских

Мариенбург

(Фото Филюшкина А.И.)

должны были вести взятые им прежде пленники-проводники) в юго-западном направлении на Ригу. Другая часть русского войска (Передовой полк, по показаниям пленных — 7 тыс. с четырьмя фальконетами) вторгся в орденские земли восточнее, со стороны Нойгаузена, и начал продвигаться в южном направлении к Мариенбургу (совр. Ауксте) и далее к Шваненбургу (совр. Гулбене). Со стороны Изборска тремя днями после Передового полка в орденские владения вступил еще один 7-тыс. (по показаниям пленных) русский отряд, также двинувшийся к Шваненбургу.

Судя по орденской переписке, образ действий русских мало чем отличался от классического описания зимнего татарского набега, который дал француз Г.Л. де Боплан. Держа главные силы в кулаке и медленно продвигаясь к намеченным целям, воеводы после перехода границы «*роспустили войну*» и отправляя во все стороны небольшие, от 20 до 50, редко до сотни всадников, отряды «*в зажитъе*», разрешили им добывать провиант и фураж, брать пленников, жечь и грабить

все и вся без каких-либо ограничений. Не имея, как и в прошлом году, тяжелой артиллерии, русские отнюдь не стремились штурмовать многочисленные орденские замки и укрепленные города на своем пути (что отмечали, к примеру, датские послы в своем письме королю Христиану), ограничиваясь тотальным опустошением их округи. Как писали сами воеводы в своей *«отписке»*, они со своими ратными людьми *«шли в Немецкую землю к Алысту немецкому городку и к Голбину и к Чесвину и воевали поперег верстах на семидесяти, инде и на сто... Да шли к Ровному да мимо Кесь, и Кеские места воевали, да к Риге...»*.

От Вендена-Кеси, выполняя царский наказ, русские полки огненным валом (*«а война их [царских воевод] была вдоль к Риге и от Риги к рубежу на штисот верстах, а поперег на полуторехъстеъ, а инде на двусот верстах»*) покатались по ливонским землям к Риге, куда и вышли к концу января 1559 г. Здесь они продолжали жечь, грабить и убивать три дня, попутно спалили вмерзшие в лед под Динамюнде несколько судов, в том числе два больших любекских «купца». Рижане были в панике. Еще при подходе русских они сами сожгли предместье-форштадт, не надеясь его отстоять, да и сами укрепления города были ветхи и слабы, равно как и его гарнизон. Одному *Fahne* из его состава в количестве 300 архиепископских рыцарей и их слуг удалось во время одной вылазки застичь врасплох русский отряд численностью в 120 всадников, действовавший в одной миле от Риги, и разбить его, но это отнюдь не помешало другим русским отрядам продолжать опустошения.

Разорив окрестности Риги, русские полки повернули на восток, двигаясь *«вверх по Двине по обе стороны Двины х Курконосу»*, при этом отдельные отряды прошлись южнее, достигнув прусской и литовской границ (согласно разрядным записям, царские полки *«воевали» «за рекою за Двиною курляндские места»*). Где-то здесь произошел эпизод, раздутый ливонским хронистом И. Реннером до эпических размеров. В его изложении где-то в Курляндии, возле границы орденских владений с землями Великого княжества Литовского (скорее всего, за Двиной, юго-западнее Риги) группа ландскнехтов, вооруженных мушкетами, отразили несколько атак русских, убив при этом больше сотни нападавших. Когда же придорожный трактир, в котором они были застигнуты, загорелся, то храбрые немцы вышли из него и пали

в рукопашной схватке с русскими варварами. Правда, из сохранившихся ливонских документов следует, что хронист несколько преувеличил размеры стычки — на самом деле русский разведывательный «загон» захватил врасплох и перебил шедших из Данцига немецких наемников, положив на месте 21 кнехта и 1 взяв в плен.

Собственно говоря, что еще оставалось Реннеру, повествуя о печальной судьбе юго-западной и центральной Ливонии в эти зимние дни? Ведь сейчас, как и в прошлом году, Фюрстенберг, Кеттлер и рижский архиепископ, находившиеся тогда в Риге, ничего не могли противопоставить русским, поскольку (опять же сошлемся на датчан) располагали мизерными силами — двумя сотнями «коней» и немногочисленными кнехтами, стоявшими гарнизонами в отдельных замках. Поэтому они были вынуждены эвакуировать некоторые замки и города, не в силах защитить их, а все их попытки дать отпор безжалостно опустошавшим орденские и архиепископские владения русским свелись к нескольким стычкам (*scharmützel*), в которых успех сопутствовал то одной, то другой стороне. Единственное более или менее крупное столкновение русских и ливонцев имело место в последних числах января под Тирзеном (совр. Тирза), где с ратниками Передового полка столкнулся выступивший из Зессвегена-Чествина (совр. Цесвайне) небольшой отряд орденских рыцарей и кнехтов рижского архиепископа под началом рижского домпробста Ф. Фелькерзама (по сообщению посковского летописца, 400 чел.). Видимо, немцы попытались атаковать рассыпавшие по округе отряды русских и татарских всадников, но из охотников сами стали добычей, попали под удар главных сил В. С. Серебряного и Н. Р. Юрьева и были полностью уничтожены. *«И от Чествина пришли немецкие люди на передовой полк, — писали воеводы царю, — и передовым полком побили их на голову и воевод немецких Гедерта и Гануса побили, а третьего Янатува* взяли, печатника арицъбискупова, и всех мызников лутчих взяли живых тридцать четыре человека»* (Русин Игнатъев и его товарищи были отомщены!). Взятые в плен немецкие рейтары и кнехты, «*благородные и неблагородные*», вместе с другим такими же пленниками были доставлены в Псков 12 февраля 1559 г., откуда их отправили дальше

---

* Самого Фелькерзама?

в Москву. *«Помоги им Бог»*, — восклицал по этому поводу М. Фриснер, сообщивший эту новость герцогу Финляндскому Юхану.

Но снова вернемся к истории похода. Во вздохнувшей с облегчением в начале февраля 1559 г. Риге полагали, что причиной отступления русских от плохо укрепленного города были известия о том, что на помощь магистру и рижскому архиепископу идет герцог Х. фон Мекленбург с 4 тыс. *«schwartzte Reuther»* (на самом деле он пришел с 372 рейтарами). Датские послы могли приписывать спасение Риги себе, поскольку по их ходатайству Иван Грозный решил отозвать свои полки из орденских и архиепископских земель и начать переговоры с ливонцами. Однако, учитывая время, когда была подписана эта грамота, и время ее доставки в Юрьев, можно с уверенностью утверждать, что это явно не заслуга датчан — русский царь решил, что должный урок ливонцам был преподан, дело сделано, и можно предложить неприятелю переговоры. Так или иначе, но с отходом от Риги война не закончилась — как уже было отмечено выше, царское войско повернуло домой другим маршрутом, подвергнув опустошению земли в Подвинье и 17 февраля вышли к Опочке и Вышгороду на Псковщине *«дал Бог, здорово»*, *«а плену безчислено множество выведоша»*.

В своей *«отписке»* воеводы похвалялись, что они не только опустошили все неприятельские земли между реками Аа, Эвст (совр. Айвиксте) и Западная Двина, но и сожгли 11 немецких *«городков»*, которые *«покинули немцы да выбежали»*, из брошенных *«городков»* *«наряд и колоколы и иной всякой скарб вывезли, а городки пусты пометали, потому что не с рубежа»*. Список взятых городов и замков выглядит внушительно и наглядно показывает маршрут, по которому прошли русские войска — Миклин, Рекот (Трикатен, совр. Триката), Пиболда (Пебалг, совр. Вецпиебалга), Зербин (Зербен, совр. Дзербене), Скуян (Шуен, совр. Скуене), Ерль (Эрлаа, совр. Эргли), Радопожь (Роденпойс, совр. Ропаж), Нитоур (Нитау, совр. Нитауре), Сундеж (Сунцел, совр. Сунтажи), Малополь (Лембург, совр. Малпилс), Новый городок (Нойенбург, совр. Яунпилс —?). Успешные действия воевод и их ратников были отмечены Иваном Грозным, который *«к воеводам послал с жалованием»*.

А теперь подведем общий итог этого похода. Как справедливо отмечал А. И. Филюшкин, зимняя кампания 1559 г., как и предыдущая

такая же годом ранее, *«не имела своей целью захват и освоение территории, но запугивание населения, уничтожение военной силы и экономических центров, нарушение работы местной администрации и общее опустошение и разорение»*. И в эту задачу русский царь решил. Теперь, по прошествии года войны, на территории Ливонской конфедерации почти не осталось земель, так или иначе не затронутых боевыми действиями. И, что самое печальное, ливонцы осознали, что сами они не в состоянии отразить широкомасштабную агрессию Москвы. Противопоставить что-либо разнозначное этим подлинным нашествиям ни Орден, ни рижский архиепископ, ни прочие местные владельцы не могли, и осознание своего бессилия толкнуло их в объятья Литвы, Дании и Швеции. И выходит, что, одержав убедительную военную победу, Иван Грозный потерпел дипломатическую неудачу — новая успешная военная демонстрация не достигла своей главной политической цели. Война продолжалась, и по мере ее затягивания ситуация будет все более и более осложняться.

Но все это будет потом, а пока в Москве ожидали результатов очередного внушения, сделанного ливонцам. Ожидание это затягивалось, а грозные признаки того, что конфликт постепенно разрастается, выходя за рамки только русско-ливонского противостояния, только множились и множились. Сперва испанский король Филипп II в послании, адресованном *«Иоанно Базилио, великому князю России»*, выразит свою озабоченность событиями в Ливонии. Затем прибывшие в марте 1559 г. датские послы от имени нового короля Фридрика II заявят о претензиях их короля на Ревель и северную Ливонию. Потом (и это было очень и очень плохо!) посольство Сигизмунда II Августа потребуют, чтобы Иван оставил в покое родственника короля и великого князя архиепископа рижского, намекнув при этом, что их государь может и вмешаться в конфликт, *«абы кровь христианская не разливалась...»* (и свое обещание Сигизмунд исполнил — в конце августа — сентябре 1559 г. он подписал соглашения, согласно которым обязался взять под свое покровительство и Орден, и рижское архиепископство, получив в качестве залога юго-восточную Ливонию, куда немедленно были введены литовские войска). Наконец, от Густава Васы явился гонец Маттиас-Матвейко с ходатайством от королевского имени за бедных ливонцев.

И хотя московские дипломаты твердо стояли на том, что *«Лифлянт-ты — извечные даньщики государевы и государю в данех не исправились, и церкви разорили, и образом божиим поругались...»*, и только после того, как тамошние немцы *«взумеют Богу исправятца и государев гнев своим челобитьем утолити»*, то тогда Иван *«по пригожу свое жалованье учинит»* им, тем не менее, Москве пришлось пойти на уступки. Отпуская домой настырных датчан (датчане — естественные враги шведов, а, поскольку отношения со Швецией у Москвы были не ахти какие, то ссориться с ними было не с руки), 12 апреля 1559 г. на прощальной аудиенции царь заявил, что он согласен дать ливонцам перемирие сроком на 6 месяцев — с 1 мая 1559 по 1 ноября того же года (о чем и сообщил в письменном виде магистру, рижскому архиепископу и прочим должностным лицам Ливонской конфедерации). Правда, тут еще надо посмотреть, насколько уступчивость Ивана Грозного была связана с дипломатическим демаршами европейских монархов, а насколько — собственными планами Ивана относительно продолжения войны с Крымом, но так или иначе, согласие на перемирие было дано. Ливонская конфедерация получила столь желанную для нее передышку и начала собираться с силами с тем, чтобы попытаться переиграть неудачные результаты первого этапа войны.

Ливонское контрнаступление. Осенняя кампания 1559 г.

Надо полагать, что, пойдя навстречу своему датскому «брату», Иван Грозный в известной степени вздохнул с облегчением. Война с Ливонской конфедерацией не входила в его первостепенные планы — на первом месте стояла продолжающаяся война с Крымом, и на кампанию 1559 г. царь и Боярская дума замыслили большой поход против крымского *«царя»*, рассчитывая если не привлечь к нему Великое княжество Литовское, то, во всяком случае, заручиться его благожелательным нейтралитетом. Это позволило бы использовать Днепр в качестве линии коммуникаций для русских войск, действующих в низовьях реки, на непосредственных подступах к сердцу Девлет-Гиреева юрта — *«острову Каффы»*, Крымскому полуострову. Поэтому, если посмотреть на летописные записи и на записи разрядные, то нетрудно заметить, что все внимание государя было обращено к югу, где собралась в ожидании

крымских вестей «*рать немалая и неисчислимая*», а в низовьях Днепра и Дона успешно действовали «*лехкие*» «*судовые*» рати Д. Адашева и И. Вешнякова со товарищи. Ну, а Ливония — что Ливония, Иван ждал, когда магистр ударит ему челом и пришлет своих «*лутчих людей*» для обсуждения условий восстановления мира. И дождался — но не тех «*лутчих людей*», которых ждал, а других... Уже потом, в переписке с бежавшим в Литву Курбским Иван попрекал князя и его единомышленников за их «*злобесные претыкания*», из-за которых ему не удалось «*всю Германию за православную веру*» привести.

Но это было потом, а пока в Ливонии готовились к реваншу. Весна-лето 1559 г. прошли в напряженной дипломатической деятельности конфедерации — посольства от несчастных ливонцев отправились искать поддержки к Сигизмунду, к Густаву Васе и в Данию, к Фридерiku II. Любопытно — прослышав о «*недружбе*» «*московского*» с ливонцами, крымский хан прислал своих послов к магистру договариваться о совместных действиях против русских. Правда, если не считать удовлетворенного Иваном ходатайства датского монарха о даровании перемирия ливонцам и упомянутого выше договоре о протекции с Сигизмундом, особого успеха дипломатам магистра и рижского архиепископа добиться не удалось. Видимо, это послужило одной из причин, по которым Фюрстенберг, растерявший окончательно остатки своего авторитета, был вынужден в сентябре 1559 г. оставить пост магистра. Его место занял Г. Кеттлер, который, если верить Б. Рюссову, все это время деятельно готовился к осенней кампании, закладывая орденские земли и замки, изыскивая деньги и нанимая наемников (в хронике Реннера сохранились некоторые сведения о военных приготовлениях ливонцев — так, в июне в Ригу из Кольберга были доставлены 2 *halve slangen* и 0,5 лафта артиллерийского пороха, 20 июля — 800 ландскнехтов и 50 рейтар во главе с гауптманом Й. фон Мюнденом из Дитмаршена, а 7 августа — еще 150 ландскнехтов). К концу сентября приготовления к новой кампании были, в общем, завершены, Кеттлер покинул Венден и отправился в Ревель, чтобы оттуда с собранными войсками выступить снова, как и в прошлом году, к Дерпту.

Кампания была начата Орденом еще до истечения срока перемирия — орденский ландмаршал Ф. Шалль фон Белль 14 октября 1559 г. с 4 фенлейнами (*fenlin*) ландскнехтов, артиллерией и, надо полагать,

со своими ландзассами (по росписи 1555/1556 г. 190 коней, реально, конечно, было меньше) *«пришел в государеву землю в Юрьевской уезд в Сангацкую* мызу воию»*. В Москве забеспокоились — ситуация живо напоминала ту, которая была в прошлом году. Поэтому, посоветовавшись, Иван и бояре немедленно отправили на «усиление» во Псков боярина А. Д. Басманова, а тамошнему воеводе князю Ю. И. Темкину наказали *«отпустити изо Пскова воевод Захарью Плещеев, Григория Нагово, а с Красного городка и с Вышегорода Замятню Сабурова да Алексея Скрябина»* с приказом *«бытии под людьми и приходити на загощицков и доволна проведывати, коим обычаем маистр изменил и перемирия не дождався воию пришел»*. Обращает на себя внимание любопытная деталь — местные воеводы сообщают о вторжении неприятеля и получают из Москвы инструкцию о том, как им надлежит действовать. Но от Юрьева и Пскова до Москвы несколько дней пути, да еще столько же обратно — и хорошо, если гонец обернется туда и обратно за неделю. А что будут все это время делать воеводы?

Ответ на этот вопрос следует из очередной воеводской отписки, полученной в Москве в начале ноября. Как отписывали З. Плещеев со товарищи в Москву, *«они приходили на немецких людей и не в одном месте, и немецких людей побили и языки поимали трожды»*. И те «языки» на допросах показали, что де *«пришел Трегороцкой князец Мош-калко**», а с ним немецкие люди и заморския, маистра и арцыбискупа им дожидатца в тех мызах»*, а как соберутся вместе маист и арцыбискуп, то де *«идти им к Юрьеву и стояти у Юрьева зима вся: не взяв, от Юрьева прочь не ити»*. И еще пленные заявили, что де весь план магистра снова, как и в предыдущем году, строился вокруг «пятой колонны» в Дерпте. Обеспокоенный Иван спешно приказал Темкину и Басманову выступить из Пскова в Юрьев, туда же выдвигаться и Плещееву с его людьми, а также отправил в Юрьев *«стрелцов многих»*.

Увы, эти меры, как показал дальнейший ход событий, запоздали. Пока шла переписка между псковскими и юрьевскими воеводами и Москвой, фон Белль получил подкрепление — 19 октября в его лагерь прибыло 3 фенлейна ландскнехтов из Ревеля во главе с тамошним

---

* Zanguitz.

** Ландмаршал Ф. Шалль фон Белль.

гауптманом В. фон Штрассбургом (700 человек). Почувствовав себя более уверенно, ландмаршал приказал переместить лагерь возле мызы Нугген в трех милях от Дерпта-Юрьева. И 22 октября произошла первая крупная стычка между русскими и ливонцами — увы, для русских неудачная. Как отписывал в Москву Захарья Плещеев, *«приходили немцы на них Мошкалка* со многими людьми да их [русских] истоптали и воеводу Алексея Ивановича Скрябина убили и детей боярских дватцать человек убили да тритцать человек боярских людей**»*.

Новость была, что и говорить, из разряда пренеприятнейших — снова ливонцы застали русских врасплох и, владея инициативой, навязывали русским свою волю. Позднее Иван Грозный, попрекая Курбского со товарищи, с горечью писал, что зря он, *«лукаваго ради напоминая Датцкого короля, лето целое дасте безлепа рифлянтом збиратися»*, и к чему это привело? К тому, что *«они ж [ливонцы], пришед пред зимним временем, и сколько тогда народу християньского погубили...»*. И ведь это была не последняя неудача русских в той кампании. Противник продолжал наращивать свои силы. 24 октября в лагерь под Нуггеном к ландмаршалу прибыло 300 конных латников, затем 8 ноября — рижский коадьютор с рижскими кнехтами и конницей (по большей части наемными рейтарами, ибо после Тирзенского разгрома из 600 списочных *«коней»*, выставляемых по мобилизации Рижским архиепископством, вряд ли осталось много способных воевать и дальше). И, наконец, 10 ноября в лагерь прибыл сам магистр с главными силами и с *«нарядом»*. Как результат, на следующий день, 11 ноября, ливонцы совершили успешную вылазку из своего лагеря, атаковав походный стан Захарьи Плещеева. Воевода со товарищи, по словам Басманова и Темкина, *«стояли оплошно»*, *«подъешиков и сторожей у них не было»*, потому и вышло нехорошо — *«зашли их немцы всех на станех»* и побили. Хорошо побили — согласно воеводской отписке, было убито 70 детей боярских да *«с тысячу боярских людей»* и вдобавок ко всему воеводы потеряли весь свой обоз (очевидно, этим и объясняются столь большие потери в боярских людях — большую часть от побитых составили обозники-кошевые). Кстати, данные поминаль-

---

* Все тот же фон Белль.

** Кстати, в переписке орденских чиновников отписано, что разбит был русский отряд в 4 сотни человек, а их воевода был взят в плен.

ных синодиков позволяют с высокой степенью уверенности предположить, что рать Плещеева состояла из новгородских детей боярских всех пяти пятин, посковичей, торопчан и ржевичей.

Ситуация под Дерптом складывалась, что и говорить, напряженная, ибо два поражения подряд привели в небоеспособное состояние большую часть полевых русских сил в районе Юрьева, а подкрепления запаздывали — *«по грехом пришла груда великая и безпута кроме обычая, и в нужу рать пришла великую, а спешить невозможно...»*. К счастью, пресловутая *«безпута»*, когда ехать было невозможно *«ни верхом, ни в санях»*, в равной степени сдерживала и действия самих ливонцев. Только 19 ноября Кеттлер со своей ратью придвинулся к самому Дерпту на расстояние одной версты, но ближе подойти не сумел, опасаясь русской городской артиллерии (по сообщению Реннера, у магистра было на 19 ноября 2 *kartouwen*, 3 *halve kartouwen*, 3 *feltslangen*, 2 *fuirmosern* и 3 *quarter slangen* — явно недостаточно для успешной осады Юрьева, обороняемого умелым и решительным военачальником князем А. И. Катыревым-Ростовским).

Магистр и коадьютор стояли под Юрьевым 10 дней. Эти полторы недели обе стороны активно обменивались ядрами и бомбами, а русские совершили несколько вылазок из крепости. Самая большая и успешная из них состоялась 24 ноября, когда, по сообщению русского летописца, навстречу подступившему было к городу магистру со своими людьми *«вылазили на него дети боярские конные из города и стрельцы, убили у маистра из пищалей и дети боярские, человек со сто, а стрельцов государевых убили трицать с человеком да двух сотников стрелецких»*. На следующий день, 25 ноября, русский гарнизон в Нойхаузене предпринял успешную вылазку против старого лагеря фон Белля под Сангацкой мызой. И, вдобавок ко всему, посланные Иваном Грозным *«стрелцы многие»* (по сообщению Реннера, как всегда, преувеличивающего численность русских — 1 тыс. Хотя, если быть точным, к концу второй осады Дерпта в нем находилось по меньшей мере три стрелецких приказа — Г. Кафтырева, Т. Тетерина и А. Кашкарова) сумели пройти в осажденный город.

Безуспешное *«стояние»* даже не под стенами, а на виду у Дерпта, да еще в условиях той самой *«безпуты»*, привело к разногласиям в немецком лагере. Сам магистр хотел отказаться от бесцельного

пробывания под Дерптом и попытаться совершить набег вглубь занятой русскими территории, перенеся боевые действия в псковские земли, тогда как коадьютор и его дворяне настаивали на продолжении осады. В конце концов, не найдя общего языка, магистр и коадьютор решили снять осаду с Дерпта и отступили под замок Фалькенау, где 29 ноября разбили новый лагерь.

Гарнизон Юрьева, ободренный одержанной над «маистром» победой, не оставил их в покое. Юрьевский воевода князь А.И. Катырев-Ростовский раз за разом отправлял вдогонку за отступающими «немцами» «лежкие» рати, и они раз за разом «доходили» до «последних немецких людей» и «побивали», беря пленных. Сведения, сообщенные языками, оказались чрезвычайно важны — согласно им, «маистр» решил осадить Лаис, который обороняли 100 детей боярских и 200 стрельцов под началом голов князя А. Бабичева и А. Соловцова. Отправив им на помощь 100 стрельцов под началом стрелецкого головы А. Кашкарова, юрьевский воевода сумел не допустить падения Лаиса и, более того, сорвать все планы Кетлера. Как писал Рюссов, *«магистр подошел к Лаису [14 декабря], осадил этот замок, построив батареи и окопы, обстреливал его и два раза ходил на приступ [16 и 17 декабря], но оба раза проиграл. В этих двух приступах убито несколько сот отборных кнехтов и ревельский гауптман Вольф фон Штрасбург^{*}. Так как подошла зима и не было счастья, магистр и герцог снова отступили со стыдом и позором. Ратники, по неблагоприятности счастья и недостатка в деньгах, рассердились и разошлись»*. Московский же летописец дополнил это описание новыми красками. Согласно воеводскому сеунчу, который доставил в январе 1560 г. в Москву А. Кашкаров, *«приходил маистр к Лаюсу со многими людьми немецкими с нарядом, и поставя туры, бил из наряду по городу и розбил город до основания на пятнатцати сажнях; и приступал по два дни всеми людьми в розбитое место и к иным местам, и Божим милосердием и государя нашего православнаго царя правдою побили у маистра многих людей и поимали в городе доспехи и всякое ратное оружие многое поимали, из города из наряду розбили у маистра*

---

* По сообщению Реннера — 384 кнехта и два их гауптмана — Штрасбург и Эйерт Шладот, в итоге из 700 ревельских кнехтов домой вернулись всего лишь полторы сотни.

две пушки; и пошел маистр от Лаюса прочь с срамом [19 декабря], а людем государевым ничтож зла не сотвори».

19 декабря, «не успев ничтоже», Кеттлер отступил бесславно от Лаиса под замок Оберпален (Кристоф Мекленбургский покинул магистра еще раньше — с большей частью своих людей он ушел в Ригу еще 14 декабря). Как писал С. Хеннинг, «удрученные неудачей, они [немцы] ушли в Оберпален. Только тот, кто участвовал в этом предприятии, может представить себе те трудности, которые испытали они, перетаскивая тяжелую артиллерию по дорогам, неспособным выдержать ее вес...». Естественно, что ландскнехты, по словам Хеннинга, «по своему обычаю стали возмущаться и требовать платы, угрожая мятежом». А если вспомнить, что еще 13 декабря, Штрассбург жаловался в письме ревальским ратманам, что его солдаты болеют и голодают, то причины недовольствия наемников понять не так уж и трудно — как с горькой иронией писал позднее Ф. Ниенштедт, «зима окончательно разложила войско. Так всегда бывает, когда хочешь искать роз в снегу: Ганс Гау не может сносить лифляндской зимы с ее сильными холодами и, таким образом, пиво, как говорится, утекло». 29 декабря магистр приказал поджечь лагерь под Оберпаленом, а сам с остатками своего воинства укрылся в замке, отправив артиллерию в Феллин. Но зимняя кампания 1559/1560 гг. не закончилась — ответный ход был теперь за русскими.

Ответный ход.

Зимний поход 1560 г. князя И.Ф Мстиславского.

И он, этот ответный ход, не замедлил воспоследовать! Разгневанный Иван Грозный не стал медлить с мщением — 2 января 1560 г. «в Немцы государь отпустил за их измену рать и воевод своих». Фразу надо понимать так, что 2 января из Москвы отъехали к месту сбора рати назначенные командовать ею воеводы. Сам же сбор большой рати начался раньше, еще осенью, когда Кеттлер попытался взять Юрьев-Дерпт. Место сбора большой 5-полковой (полки Большой, Передовой, Правой илевой рук и Сторожевой) рати во главе с боярином князем И.Ф. Мстиславским рати было назначено во Пскове, традиционном пункте, откуда начинали свои походы против ливонцев русские войска. О том, что войско, отправленное вразумлять неразумных «немцев»,

было немалым, можно судить потому, что, во-первых, начало над ней было поручено князю Мстиславскому — одному из опытнейших и вместе с тем родовитейших русских военачальников того времени. Любопытную характеристику дал Мстиславскому немецкий авантюрист А. Шлихтинг. По его словам, Иван Грозный *«держит в своей милости князя Бельского и графа Мстиславского... И если кто обвиняет пред тираном этих двух лиц, Бельского и Мстиславского, или намеревается клеветать на них, то тиран тотчас велит такому человеку замолчать и не произносить против них ни одного слова, говоря так: „Я и эти двое составляем три Московские столпа. На нас трех стоит вся держава“...»*. Его рати придавался наряд под командованием боярина М. Я. Морозова, который успешно руководил действиями «большого наряда» под Казанью в 1552 г. Наконец, под 11-ю полковыми воеводами *«ходили»* 44 сотенных головы (соответственно 14 в Большом полку, 9 в полку Передовом, столько же в Правой руки, и по 6 в полкахлевой руки Сторожевом), не считая 10 голов при наряде и татар казанских, астраханских и служилых вместе с новокрещеными (а Реннер упоминает еще и о неких *«Engelsche schutzen»*, английских стрелках в рядах рати Мстиславского).

Общую численность царского войска по опыту аналогичных походов того времени можно определить примерно в тысяч 15 или несколько более *«сабель»* и *«пищалей»*, не считая кошевых-обозных, посохи, обслуживающей артиллерию. Приданный воеводе осадный наряд был по ливонским меркам весьма внушительным — по сообщению Реннера, он состоял из 7 *kartouwen* (картаун), 5 *halve kartouwen* (полукартаун), 2 *scharpe metzen*, 4 *slangen*, 6 *fuirvorsers* (огнеметательных мортир) и 5 *grote steinbussen* (больших камнеметов). И это не считая более мелких орудий и пр.

Однако для сбора рати требовалось время, и немалое (даже с учетом того, что большая ее часть комплектовалась ратными людьми Северо-Запада). Давать же время неприятелю для того, чтобы прийти в себя после декабрьского конфуза под Лаисом не хотелось, потому воеводам в Псковской земле и в Юрьевской были развязаны руки. Псковский летописец сообщал, что тамошние охотники-торонщики своею волею ходили *«в Немекую землю, и много воевали земли, и полоноу и животины гоняли из земли много, а иных немцы побивали»*. В январе же 1560 г.

юрьевский воевода князь А. И. Катырев-Ростовский дважды отправлял своих людей в набег на орденские земли. Сперва голова В. Разладин успешно сходил в набег под Тарваст, побил тамошних «немцев», «вылезших» было из замка навстречу русским, «*посад у Тарваса пожег, день у посаду стоял, а воевал три дня*», после чего вернулся домой «дал бог здорово». Затем в набег отправился князь Г. Оболенский, повоевавший окрестности Вильяна-Феллина, но не столь удачно, как Разладин. Согласно воеводской описке, полученной в феврале в Москве, на отходе Оболенского «*угонили*» ливонцы и с ним бились, при этом был убит брат Василия Разладина Иван и 8 детей боярских (но взятый с бою полон русским удалось все-таки отстоять). Кстати, стоит отметить, что показания летописей и разрядных книг в описании действий юрьевских ратных людей существенно расходятся. Однако, на наш взгляд, летописная версия более точна, ибо она составлялась по горячим следам, на основании воеводских отписок, тогда как Государев разряд умалчивает об этих эпизодах Ливонской войны, а частные разрядные книги составлялись *post factum*, много позднее этих событий.

Но вернемся обратно к описанию боевых действий зимой 1559/1560 гг. Главной целью готовящегося зимнего похода русской рати должен был стать Мариенбург — город и орденский замок. Выбор цели вряд ли был случаен — по соглашению, которое подписал Кеттлер с Сигизмундом II в августе 1559 г., юго-восточная часть Ливонии должна была отойти к Литве, а Мариенбург с его неплохими (по ливонским, конечно, меркам) укреплениями был важным в стратегическом плане орденским форпостом в регионе. И допустить его переход под литовский контроль в Москве отнюдь не стремились.

Подготовка операции по овладению Мариенбургом-Алыстом проходила в сложных условиях. Мало того, что Северо-Запад Русского государства, Псковщина и Новгородчина прежде всего, были к тому времени уже порядком измотаны войной, так и зима 1559/1560 гг. вышла тяжелой. Псковские летописи сообщают, что «*зима тогда была безснежна, толко сем недель было снегом*». Неясны были и намерения противника, и состояние его сил. Вероятно, именно поэтому, не желая рисковать, Мстиславский послал вперед себя «*лежкую*» рать (3 полка с 4-мя воеводами, около 1 тыс. всадников) под водительством князя В. С. Серебряного. 18 января полки Серебряного перешли границу

и двинулись на Зессвеген, а затем, опустошив его окрестности, повернули на северо-запад. В течении двух недель они, по словам летописца, «воевали промеж Веля^{*} да Икеси^{**} Велянские места и Кеские и Володимретицкие^{***} и иные многие места». При этом летописец подчеркивал, что «преже сего те были не воеваны, а пришли на них безвестно, и взяша в полон множество людей и всякого живота и скоту и побиша многих». Ливонские источники дополняют этот список разоренных местностей окрестностями Каркуса, Руена, Гелмеда и Триката, а городок Шмилтен был взят и сожжен вторично. 4 февраля 1560 г. Серебряный был уже в полутора милях от Феллина, после чего повернул назад на соединение с Мстиславским.

«Большой» же воевода тем временем медленно продвигался по направлению к Мариенбургу. Чтобы преодолеть сто с гаком верст от Пскова до Алыста, ему потребовалось почти две недели, и лишь к 1 февраля его передовые отряды вышли к замку. Мариенбург, стоявший на острове посреди озера, представлял собой сложную цель, и на первых порах осадные работы шли медленно. С подходом полков Серебряного дело пошло веселее. Руководивший осадными работами боярин Морозов к этому времени, согласно воеводской отписке, «наряд за озеро перевез на то же место, где город стоит», «и стрелцов всех у города поставя и туры поделав, наряд прикатя», после чего утром 14 февраля приказал начать бомбардировку. Последняя продолжалась недолго — «с утра до обеду», в результате чего в замковых стенах были проделаны немалые бреши, после чего мариенбургский комтур Э. фон Зибург цу Вишлинген, по примеру своих старших товарищей, решил не дожидаться штурма и выкинул белый флаг. «И божиим милосердием воеводы и город того дня взяли, — продолжал летописец, — и устроили в нем государевых воевод, князя Микиту Приимкова да Андрея Плещеева да голову стрелецково стрелцы оставили Григория Кафтырева». Сотворив же сие, воеводы отправили победный сеунч Ивану Грозному (Иван же, возрадовавшись, послал к ним «с своим жалованьем з золотым князя Федора Палецкуго») и отправились во Псков. Комтура же ожидала печальная судьба. По мнению Кеттлера,

---

* Феллин.

** Венден.

*** Прилегающие к Вольмару.

он проявил непростительное для рыцаря Ордена малодушие, за что и был арестован и посажен в заключение в замок Кирхгольм, где вскоре и умер.

Собственно говоря, эти и ограничилось участие «*маистра*» в отражении нового русского вторжения. С 20 января и до самого конца февраля он безвылазно просидел в Риге, имея в распоряжении 8 фенлейнов (fenlinn) кнехтов и 7 фенлейнов рейтар, ожидая обещанной от Сигизмунда помощи и, не дождавшись ее, так и не сдвинулся с места. Ливония осталась, уже в который раз, беззащитна перед жаждущими мести и добычи русскими ратями. Положение Ливонской конфедерации продолжало ухудшаться, и просвета в тучах, сгустившихся над несчастной Ливонией, не было, ибо Иван Грозный на этот раз решил довести начатое дело до конца, тем более, что в преддверии очередной войны с Великим княжеством Литовским наступление на Крым постепенно стало сворачиваться).

Последний бой.

Летняя кампания 1560 г. и падение Феллина.

Ждать новой грозы несчастным ливонцам долго не пришлось! В конце весны 1560 г. плотина рухнула, и понеслось. А начиналось все как обычно — с малых ручейков. После взятия Мариенбурга главные силы русской рати были распущены, но «*годовавшие*» по пограничным городам и в Юрьеве русские гарнизоны вовсе не собирались отсиживаться за стенами крепостей и продолжили действовать на свой страх и риск, равно как и псковские и новгородские торонщики-охотники до чужого добра. «*Того же лета [7068] ходили торонщики в Немецкую землю, и много воевали земли, и полоноу и животины гоняли из земли много, а иных немци побивали...*», — сообщал как о нечто обыденном, не заслуживающем пристального внимания и отдельной «*повести*», псковский летописец (и Реннер в своей хронике рисует впечатляющую картину того, как небольшие русские отряды в течение всей весны то тут, то там вторгаются на территории Ордена и Рижского архиепископства, и подвергают их опустошению). Московские же летописцы, отражая официальную версию событий, писали о другом. Впрочем, это и понятно, ибо Москву мало интересовали результаты дерзких «*наездов*» пограничных «*баронов*» — до тех пор, пока эти результаты не начинали влиять на большую политику.

А большая политика тем временем складывалась так, что малозначимый, казалось, на первых порах ливонский конфликт грозил перерасти в крупномасштабную войну, и прежде всего с Великим княжеством Литовским (великий князь которого, как уже было отмечено выше, давно уже имел свои виды на Ливонию и ее наследство). В январе 1560 г. в Москву прибыл гонец от Сигизмунда II Мартын Володков с грамотой княжеской, а в грамоте той было черным по белому прописано, что де поскольку *«Ифлянская земля здавна от цесарства хрестьянского есть поддана предком нашим во оборону отчинному панству нашему, Великому князству Литовскому, чого поновляючи весь тот закон, со всею землею сами нам утвердили»*, то пусть Иван *«подданным нашего панованья всей земли Ифлянской покой дал бы еси и войска своего в ту землю не всылал, валки и неприязни через присягу свою до урочных лет и до выштья перемирья на тое панство не подносил»*. В противном случае, писал Сигизмунд своему партнеру, пускай пеняет на себя — он как законный государь и повелитель Ливонии, обязан оборону ее, как и прочим землям своего *«панства» «чинити»*, а Господь накажет того, по чей вине возобновилось кровопролитие меж христианскими народами.

Угроза со стороны Сигизмунда была очень даже недвусмысленна, и в Москве к ней отнеслись более чем серьезно. Уступать требованиям своего «брата» и поддаваться на шантаж с его стороны Иван был не намерен, и, демонстрируя твердость своих намерений и уверенность в своей правоте, решил, судя по всему, поставить жирную точку в ливонской истории. Оттягивать далее решение этой проблемы было нельзя — в противном случае ситуация могла принять самый что ни на есть неблагоприятный оборот. Воюя с Крымом и продолжая пусть и в полсилы, но все же отвлекая часть своих ресурсов, на походы в *«Ифлянскую землю»*, получить еще и войну с Литвой — это был, согласитесь, явный перебор. Потому в Ливонии надо было заканчивать, и поскорее.

И, поскольку, как известно, пушки — это последний, и, пожалуй, самый весомый довод королей, Иван решил отправить в Ливонию новую рать. Тем самым он намеревался показать Сигизмунду, как он относится к его требованиям и заодно ускорить развязку — если ты и в самом деле полагаешь себя ливонским государем, так приди

и защиты свои владения. Прощупать реакцию великого князя литовского и короля польского должна была небольшая рать (всего на четыре полка, семь воевод да еще один воевода из Юрьева с тамошними ратными людьми) под началом князя А. М. Курбского (да-да-да, того самого!) со многими воеводами, *«а с ними дети боярские и жилицы»* да еще и татары — городецкие да *«царевы»* (Шах-Али).

Сам Курбский, как и полагается мемуаристу, позднее, в своей «Истории о великом князе Московском» расписал в красках, как Иван вызвал его к себе и поведал свою печаль — положение в Ливонии складывается критическое, поскольку *«у воинства его [государева] зело сердце сокрушено от Немец, зане егда обращали искусных воевод и стратилатов своих соппротив царя Перекопского, хранящее пределов своих, а вместо тех случилось посылати в Вифлянские города неискусных и необыкновенных в полкоустроениях, и того ради многажды были поражены от Немец, не токмо от равных полков, но уже и от малых людей великие бегали...»*. Потому, продолжил свою мысль царь, должен он или сам *«идти соппротив лафлянтов, або тебя, любимого моего, послати, да охрабрится наки воинство мое, Богу помогающую ти»*.

Так ли это было или не так, но, судя по всему, Курбский, по своему обыкновению, несколько преувеличил свою значимость. Хотя под его началом и были собраны отборные служилые люди, тем не менее, исходя из состава рати и послужного списка назначенных в нее воевод, можно с уверенностью сказать, что перед нами обычная *«лехкая»* рать. И задача, которая была поставлена перед Курбским в Москве (вполне возможно, кстати, что и лично царем), соответствовала ее составу. С одной стороны, Курбский и его ратники должны были продемонстрировать решимость царя довести начатое дело до конца, а с другой — разведать обстановку и обеспечить развертывание другой, более многочисленной и сильной рати.

Набег Курбского, если верить псковским летописям, начался после Троицы, которая в 1560 г. пришлась на 2 июня (правда, Реннер датирует вторжение русского отряда в пределы Йервенского фогства 27 мая, отмечая, что неприятель сжег и разграбил ряд поселений и хуторов в трех милях от Вайсенштайна). Если верить его «Истории», то князь дважды на протяжении месяца ходил в Ливонию — *«первыи под*

Пайда
(Фото Филюшина А. И.)

Белый камень, от Дерпта осьмнадцать миль, на зело богатые волости», где побил 4 конных и 5 пеших рот-фенлейнов во главе с самим Кеттлером. Это довольно странное утверждение, если учесть, что, побывав в конце апреля 1560 г. в Ревеле, с мая и до конца сентября Кеттлер путешествовал между Ригой и Динамюнде, изредка навещаясь в Ашераден и Пернов. К тому же в изложении Реннера выходит, что 12 июня под Оберпаленом 4 роты кнехтов «взяли в оборот» русский отряд, положив на месте 20 русских. Кто кого победил — наверно, сегодня одному Богу известно. Спустя полторы недели после победения «маистра» Курбский отправился во второй набег, на этот раз к Феллину (по данным Реннера — 23–24 июня). Под его стенами он разбил старого магистра Фюрстенберга, после чего «возвратихомся с великим богатствы и корыстьми» в Юрьев-Дерпт. Всего же, заявлял потом Курбский, он «седм, або осемь крат того лета битв имехом великих и малых, и везде за Божию помощию, одоление получахом...».

Вне зависимости от того, насколько успешно действовал Курбский, семь или восемь побед над «германами» он одержал или меньше, действия его «лехкой» рати померкли на фоне того, что случилось спустя некоторое время после его возвращения из набегов. Русская летопись (явно составлявшаяся с широким использованием разрядных записей и прочих официальных документов) сообщает, что «того же месяца»^{**} отпустил государь в Немцы воиюно и з болишим нарядом к городом бояр своих и воевод за их [ливонцев] многие неправды и за порушение крестьянские веры и возжжение образов божиих, и святых всех^{***} и за все их неисправление пред государем и за то, что королю городки многие позакладывал и поздовал и сам^{****} х королю ездил и со всею землею прикладывался и против государевы рати помочь емлет и из Заморья наимует».

Иван отнюдь не собирался делиться своей добычей с кем бы то ни было, и в Сигизмундом прежде всего, и о серьезности его намерений относительно «Ифлянттов» свидетельствует как состав самой

---

* Вайссенштайн, Пайда.

** В мае 1560 г.

*** Любопытный пассаж — выходит, что русские полки отправлялись в своего рода крестовый поход!

**** Явно речь идет о магистре Г. Кеттлере.

рати, так и послужной список назначенных руководить ею воевод. Хотя структура рати и была обычной, пятиполковой (полки Большой, Правой илевой рук, Передовой и Сторожевой), однако воевод в ней было не десять, как обычно (по два на каждый полк), а существенно больше — 17, да еще 2 воеводы при наряде и 2 с татарами. Под ними ходили не много ни мало, а 70 голов, и отсюда можно предположить, что детей боярских в составе рати было около 7 тыс., а вместе с послужильцами — так и все 8–9 тыс. Добавим к этому казанских и служилых татар, стрельцов и казаков — и вполне возможно, что царская рать насчитывала около 12–14 тыс. «сабель и пищалей», не считая кошевых и прочих некомбатантов, которые, тем не менее, при случае очень даже могли стать комбатантами. Курбский, кстати, по своему обыкновению, преувеличил, хотя и не так бессовестно, как ливонцы, численность русской рати — 30 тыс. конных и 10 тыс. стрельцов и казаков. Реннер же, по своему обыкновению, безбожно завысил численность русской рати — согласно его сведениям, москвиты осадили Феллин 150-тысячным войском. Любопытно — Кеттлер в своем послании рижанам сообщал, что в осаде Феллина (куда, скажем забегая вперед, отправился Милославский со своими полками) со стороны русских участвовало 100 орудий *klein und gross*, а более словоохотливый и любящий щегольнуть своими знаниями Реннер «расшифровал» его цифры. В своей хронике он написал, что у русских было 15 *fuirmorser*, 24 *grave stucke an kartouwen und nothschlangen*, не считая *feltgeschutte*. Достойный наряд, что и говорить, и тогда понятно, почему под началом нарядных воевод «ходили» 11 голов. Кстати, Курбский в своей «Истории» говорит о том, что у Мстиславского было «дел великих» «*четырнадцать*» и прочих полсотни. Почти один в один совпадение с реннеровскими сведениями!

И буквально пара слов о командном составе — «*большим*» воеводой со своим набатом (тем самым, о котором писал английский посол и мемуарист Дж. Флетчер — на помосте, возимом на четырех лошадях, с восемью барабанщиками,) был назначен «*столи царства*» родовитейший и опытный боярин князь И.Ф. Мстиславский (второй в боярской иерархии, а первый, боярин И. Д. Бельский, в это время с ратью из 5 полков с десятью воеводами и 46-ю головами стоял в Туле, а еще три полка с семью воеводами, среди которых был третий в тогдашней

русской военной иерархии князь М. И. Воротынский, стояли «в Поле»). В «товарищах» у него ходил боярин М. Я. Морозов, тот самый артиллерийский эксперт, который руководил большим нарядом во время казанской эпопеи 1552 г. и только что, несколько месяцев назад, командовал нарядом же при осаде и взятии Мариенбурга-Алыста. В списке воевод мы также видим князя П. И. Шуйского, героя нарвского взятия и летней кампании 1558 г. А. Д. Басманова, все того же Курбского, Алексея и Данилу Адашевых. Одним словом, это было нечто новое и необычное, чего еще Ливония не видела. Жаль только, летописец не сообщил, каков наказ был Мстиславскому со товарищи, ограничившись стандартной фразой — *«над Немцами воиюю промышляти, как милосердный бог помочь подаст и утвердит»*.

О том, что «*тираническая кровавая собака*» и «*заклятый враг нашего и всего христианства*» готовит новое наступление на Ливонию, «*германы*» догадывались еще весной — одна только возросшая активность мелких русских отрядов, набегавших тот тут, то там на владения Ордена и рижского архиепископа, говорила сама за себя, не говоря уже о поступавшей непрерывным потоком информации от ливонских доброхотов в Ругодиве и Юрьеве. Так, 22 апреля ратманы Ревеля получили от своих информаторов известия из Нарвы и Дерпта о том, что русские готовятся к вторжению, а 30 апреля пришло новое известие, что в Дерпт прибыло 6 тыс. русских и что русские наводят два моста через Эмбах. Признаки надвигающейся бури были более чем явственными, но Ливонская конфедерация вступала в новую кампанию совершенно обессиленной внутренними распрями. Как писал Г. В. Форстер, «*борьба партий, разъединенность и своекорыстие достигли в Ливонии крайних пределов; об общих действиях мало кто думал, и летописец ливонский [Реннер] прав, когда говорил, что не знает, кого считать за друга, кого за врага*». Никто не хотел брать на себя ответственность и все обращали свой взор к Кеттлеру, а тот «*враждовал с Фюрстенбергом, недоволен был и появлением Магнуса* в Ливонии, сталкивался постоянно с Ревелем, Ригою и другими городами*». К тому же Кеттлер явно был не из тех, кто «*к ополчению дерзостен и за свое отечество стоятель*», предпочитая битвам дипломатию и интриги. Так и сейчас,

---

* Брат датского короля Фридерика II.

столкнувшись с такими трудностями, «без войска и денег, он [Кеттлер] обращался к Польше, Пруссии и германскому императору».

Правда, толку от этих обращений было немного. Прусский герцог отделялся сочувствием (хотя, по правде, серьезной помощи гибнущей Ливонии он оказать не мог ввиду ограниченности собственных ресурсов), император, убедившись в том, что его предложение о посредничестве в Москве отвергнута, занял по отношению к Москве открыто недружелюбную позицию, но конкретной военной помощи Кеттлеру, своему вассалу, оказать также был не в силах, а санкции — что санкции, когда Москва активно развивала отношения, в том числе и торговые, с Англией, что позволяло ей обойти имперские санкции. Оставалась надежда, что король польский и великий князь литовский Сигизмунд вмешается и защитит Ливонию, тем более что заключенный в 1559 договор с ливонцами его к этому обязывал.

Однако Сигизмунд, несмотря на все воззвания со стороны Кеттлера, который буквально бомбардировал и самого короля, и его вельмож, посланиями с просьбами о помощи, не торопился ввязываться в конфликт. По словам белорусского историка А. Н. Янушкевича, для короля важнее всего было дальнейшее расширение зоны влияния его «панства» в Ливонии, и «на переговорах с ливонскими послами недвусмысленно намекалось, что более значительная военная помощь будет оказана только после размещения в их [ливонских] замках новых литовских гарнизонов». Медлительность Сигизмунда имела под собой серьезные основания — с одной стороны, пустая казна не позволяла ему не только нарастить веденный на территорию юго-восточной Ливонии ограниченный контингент литовских войск (а согласно договору, король обязался ввести в Ливонию 550 всадников и 500 пехотинцев-драбов), но и содержать уже имеющиеся роты, жолнеры которых, не получая обещанного жалования и прочего содержания, разбежались. С другой стороны, королю было выгодно, чтобы московиты еще раз нажали на ливонцев, и тогда те станут в затянувшихся переговорах с Вильно более сговорчивыми (что, забегая вперед, собственно и произошло). Наконец, Сигизмунд не хотел раньше времени прерывать перемирие (желая, чтобы это сделали московиты?), почему в секретной инструкции назначенным командовать «ограниченным контингентом» гетманам Я. Ходкевичу и Ю. Зиновьевичу предписывалось

не поддаваться на провокации, границу не переходить, на просьбы ливонцев помочь им в войне с москвитями не отзываться и вообще, делать все, чтобы *«початку ку нарушенью перемирья абы люди его королевской милости зъ себе не давали»*, почему *«того панове гетманове пильно стеречи и росказывати мають стеречи всимъ его королевской милости подданнымъ»*.

Одним словом, как и в предыдущие годы, Кеттлеру и Вильгельму приходилось рассчитывать только на свои, совершенно немногочисленные и к тому же не слишком надежные силы. Так, ливонский хронист С. Хеннинг (настроенный по отношению к Кеттлеру апологетически) в своей хронике писал, что старый магистр В. фон Фюрстенберг поселился в дарованном ему Феллине, где и расположился со своими рыцарями и ротой кнехтов (согласно Реннеру — 250 чел.), а также с тяжелой и легкой орденой артиллерией. Средства на содержание своего двора и феллинского гарнизона он черпал с земель, прилегающих к Феллину, богатых и мало затронутых войной. Кеттлер же, продолжал Хеннинг, был вынужден довольствоваться оставшейся частью орденой владений, по большей части опустошенных и разоренных (и к тому же, согласно сведениям псковских летописей, *«то же лето [7068^{*}] было соухо, яровой хлеб не родился, присох бездожием...»*). Естественно, что он испытывал серьезнейшие проблемы с обеспечением нанятых немецких рейтар и ландскнехтов деньгами (полученные под залог замков литовские и прусские субсидии закончились быстро, а новых не предвиделось), провиантом и фуражом. В итоге часть из них, не получая обещанного, отказалась дальше нести службу и, по словам Хеннинга, *«свернув знамена, разбрелась в разные стороны, добавляя несчастий к бедствиям, окружившим отечество [Ливонию] ...»*. К тому же, по словам секретаря Кеттлера, и на оставшихся наемников было мало надежды — они могли взбунтоваться в любой момент (как это случилось, подчеркнул Хеннинг, потом в Феллине). Одним словом, ни Кеттлер, ни Фюрстенберг, ни Вильгельм, рижский архиепископ, не имели в своем распоряжении сил и средств, достаточных для того, чтобы защитить Ливонию от нового вторжения русских.

---

* 1560 г.

Итак, Ливония к продолжению боевых действий была не готова, чего не скажешь о «*тираническом заклятом враге всего христианства*». После Ильина дня (20 июля), записал псковский летописец, «*пришли воеводы, князь Иванъ Мстиславской да князь Петръ Шоуиской, и инья воеводы и шли к Вельяноу* с нарядомъ*». Поперед себя Мстиславский отправил в «*посылкоу*» трехполковую «*лежкую*» рать под началом князя В. И. Барбашина (три воеводы — несколько сот всадников, вряд ли больше 600) с наказом «*город [Феллин] осадити...*». Курбский добавляет к этому летописному известию, что решение Мстиславского было продиктовано тем, что Фюрстенберг решил «*выпроводити кортуны великие предреченные** и другие дела и скарбы свои в град Гупсаль***, иже на самом море стоит*», и чтобы не допустить этого, вперед и была отправлена «*лежкая*» рать Барбашина (12 тыс. (*sic!*) ратных, согласно «баснословным» сведениям Курбского).

Если верить Рюссову и Ниенштедту, то Барбашин со своим людьми объявился под Феллином в ночь перед днем Марии Магдалины (22 июля). В принципе, в этом нет ничего невозможного — преодолеть верст 70–80 за сутки-полтора, двигаясь налегке вполне реально. Да и дорога была уже знакома — тот же Курбский и «*тороницики*» из Пскова и Дерпта-Юрьева проторили путь к Феллину (Реннер, к примеру, писал, что русские жгут и грабят мызы и деревни в окрестностях Феллина 28 июня, сам старый магистр отписывал в Ревель 4 июля, что русские *rauben, morden und brennen* в окрестностях города. И Фюрстенберг, чувствуя, что тучи над его резиденцией сгущаются, судя по всему, решил покинуть ее, но не успел). Главные же силы русского войска двигались к Феллину не торопясь, согласно сведениям Курбского, участника этой кампании, несколькими дорогами. Пехота и артиллерия на стругах («*кгаляях*») поднялись вверх по реке Эмбах (современная Эмайыги) до озера Винцерв (нынешнее Вьртсъярв), а оттуда вверх по реке Тянассильма почти до самого Феллина («*за две мили от Фелина выкладахом их [пушки] на брег*»), откуда и начали марш

---

* Феллину.

** Чуть раньше Курбский отмечал, что в Феллине находились «*кортуны великие, ихже многою ценою из-за моря з Любка места великого, от германов своих достали было*».

*** Гапсаль, Хаапсалу.

к городу. Главные же силы (конница) во главе с самим Мстиславским двигались другой дорогой (какой — Курбский не уточняет, но, скорее всего, параллельной маршруту судовой рати). «Лехкая» же рать с приближением главных сил выдвинулась южнее, прикрывая феллинское направление от появления неприятельских сил с южного и юго-западного направлений.

2 августа именно князь Барбашин и его ратники стали героями последнего более или менее крупного полевого сражения Ливонской войны, в котором были разгромлены остатки орденского воинства (Реннер так и называет это событие — *groter nedderlage des Ordens*). Орденский ландмаршал (псковский «ламошка», «ламмакшалка» Лебедевской летописи) Ф. Шалль фон Белль («*благородный и набожный человек*» по выражению С. Хеннинга) во главе небольшого отряда орденских и рижских войск (согласно Курбскому, 500 всадников-рейтар и 400–500 пехотинцев, Реннер же сообщает, что у Белля было 300 «коней» и 2 фенлейна пехоты), не дождавшись обещанной помощи от Империи и Сигизмунда II, 1 августа выдвинулся под небольшой замок Эрмес, получив известие о том, что в его окрестностях объявились русские. В утренней стычке 2 августа немецкому дозору удалось взять нескольких пленных, которые показали, что им, немцам, противостоит небольшой, всего лишь в 500 человек, русский отряд (кстати, если рать Барбашина не была усилена, то эти сведения довольно точно отражают ее реальную численность, хотя, судя по всему, князь Василий пошел на Эрмес, получив от Мстиславского подкрепление). Ландмаршал решил атаковать неприятеля, и, как вспоминал потом Курбский, «*перед полуднем, на опочиваници, ударили на едину часть смешавшиися со стражею наших, потом пришли до коней наших, и битва сточиися...*». Ратники Барбашина, привыкшие к легким победам, недооценили решимость фон Белля, и за это едва не были сурово наказаны. К счастью для русских, под удар попался лишь один из полков «лехкой» рати, и пока немцы добивали его и хватали «животы», ратники других полков, «*имеющее вожеи добрых, ведомых о месцех, обыдоша чрез лесы вкось, и поразиша их [немцев], иже едва колько их убеже з битвы...*».

Разгром ландмаршала был полный. 261 (согласно Реннеру, у Рюсова и Ниештедта — 500) немец был убит или взят в плен (по счету Курбского — «*единнатцать кунтуров живых взято и сто дваде-*

сять шляхтичей немецких, кроме других»). Среди убитых были фогт и комтур замка Кандау, второй комтур замка Голдинген и два гауптмана ландскнехтов. В плен попали сам ландмаршал (Курбский писал, что его взял послужилец Алексея Адашева), его брат, гольдингенский комтур, и комтур Руена, не считая прочих (у Реннера приведен список из 32 знатных ливонцев, убитых и взятых в плен русскими в этом бою). Впечатление, которое произвело известие о поражении фон Белля под Эрмесом, на ливонцев, было гнетущим. Фактически, конфедерация лишилась не столько последних боеспособных сил (в конце концов, в последний бой с ландмаршалом пошли отнюдь не все фенлейны, были и другие — в той же Риге и том же Ревеле, были и деньги, пусть и немногие, на которые можно было нанять новых наемников), сколько воли к борьбе. Казненный в Москве по обвинению в нарушении перемирия фон Белль, судя по всему, был душой сопротивления конфедерации (чего не скажешь о самом магистре), и теперь ее, этой души, не стало. И вслед за печальной новостью о эрмесском разгроме пришла другая — русские взяли Феллин и пленили старого магистра.

Осада Феллина, которая, как уже было отмечено выше, началась в ночь на 22 июля, полторы недели шла ни шатко, ни валко. Лишь после того, как в лагерь Мстиславского прискакал гонец от Барбашина, а затем под охраной были доставлены пленники и трофеи эрмесской победы, осадные работы активизировались. По словам Курбского, «тогда под Филином стояхом, памятамись, три недели и вящее, заточя шанцы и биюще по граду из дел великих*...». Пока пушкари, стрельцы и казаки осаждали город и замок, русская конница продолжала опустошать прилегающие к Феллину местности — сидючи в Риге, магистр жаловался, что московиты *mordt, raub und brandt* не только окрестности самого Феллина, но их отряды действовали в Йервенском фогстве, под Каркусом, Руеном, Буртнеком, Венденом и Зегевольдом. Об этом же писала и псковская летопись: «А как стояли воеводу оу Вельяна, и в то время посылали воеводы князя Андрея Коурбского и иных воевод по Рижской стороне воевати...».

Сам Курбский по своему обыкновению похвалялся (приписывая себе чужие успехи), что он де ходил к Кеси (Вендену) и там имел

---

* «День и ночь», *tagk und nacht* — добавлял к этому Кеттлер в своем письме своим дворянам.

три сражения с ливонцами, в которых побил неприятелей, а под Вольмаром разгромил нового орденового ландмаршала, сменившего плененного фон Белля (а вот псковская летопись полагает, что под Вольмаром-Володимерцем немцев побила *«посылка князь Дмитрея Овчинин сын...»*). Более того, князь разбил под Кесью, по его словам, еще и литовских ротмистров, посланных гетманом И. Ходкевичем, после чего испуганный Ходкевич *«поиде скоро из земли Лифлянские, аж за Двину реку великую от нас...»*.

Факт столкновений между русскими и литовцами под Венденом подтверждают и другие источники. Так, Сигизмунд II в послании Ивану Грозному писал в августе 1560 г., что де *«некоторые охочие люди [литовские] и под войско твое [Ивана] приходили, поторжки с тобою мели...»*. Об этом же наказывал говорить в речи пред Сигизмундом своему посланнику и Иван Грозный, называя и место *«поторжки»* (*«под Кесью»*), и имя *«ротмистра»* (*«князь Александр Полубенской с товарищи»*), а Реннер говорит, что это были *«польские татары»*), и псковская летопись (согласно которой князь А. Полубенский пришел де изгоном на князя Андрея, да князь Андрей де *«литву побил под Кесью»*). Правда, М. Стрыйковский сообщал, что князь Полубенский поразил под Кесью московскую *«стражу»* в 400 человек и взял в плен воеводу князя Ивана Мещерского* и нескольких других знатных русских. Но и польскому хронисту доверять то же не стоит, поскольку Иван Грозный отмечал, что в той стычке с Полубенским были *«поиманы»* и присланы к нему в Москву несколько литовских пленников — так что, скорее всего, состоялся обмен ударами.

Вне зависимости от того, насколько успешно действовали русские загоны и кто кого побил под Кесью, русские ли литвинов или же литвины русских, осада Феллина продолжалась. По словам Курбского, многодневная (невиданная — по словам Кеттлера) бомбардировка города и замка дала свои результаты — русские пушкари *«разбихом стены мекские»*. В ночь на 18 августа в городе начался сильный пожар: *«В нощи стреляющее огненными кулями, и едина куля упаде в самое яблоко церковное, яже в верху великие церкви их бе, и другие кули инде*

---

* Похоже, что это кто-то из Мещерских, кто был помещен в Новгородской земле. В «Тысячной книге» есть два Ивана Мещерских с Новгорода — княж Федоров и княж Васильев сыны.

и инде, и абие загорелоя место». Псковская летопись связывала начало пожара в Феллине с прибытием в лагерь осаждающих по случаю празднования дня успения Богородицы бывшего игумена псковского Печерского монастыря Феокиста «с проскоурами и со святою водою», и, выходит, что молитвами игумена Печерского монастыря Корнилия и брата «в неделю вечера», то есть 18 августа, случилось чудо, описанное Курбским, и «град Вельян загорелся ото огненных ядер и выгорел весь, ни хлеба не осталось». Пожары в Феллинском форштадте никто не тушил, и к утру от него остались лишь тлеющие головешки — уцелело всего лишь пять (Ниенштедт) или шесть (Реннер) домов.

В ливонской хроникальной традиции впоследствии общим местом стало мнение, что Феллин представлял собой прекрасную крепость, укрепленную не только людьми, но и самой природой, и что в замке было достаточно провианта а пороха для продолжения обороны, но во всем виноваты были ландскнехты, которые под предлогом неполучения обещанного жалования отказались повиноваться старому магистру (хотя тот и предлагал им взять под залог, по словам Ниенштедта, «золотые и серебряные цепи, клейноды и драгоценности стоимостью вдвое против следуемого им жалованья»). Вступив в переговоры с русскими, они сдали им замок, выговорив себе свободный выход со всем своим имуществом. Перед тем, как покинуть Феллин, ландскнехты «разграбили сокровища магистра, взломали и разграбили сундуки и ящики [снесенные в замок для хранения] многих знатных дворян, сановников ордена и бюргеров, и забрали себе столько, сколько мог каждый, а забранное составило бы жалованье не только за один год, но и за пять или десять лет». Однако добро восторжествовало, и предатели получили по заслугам — во всяком случае, так полагали Хеннинг, Рюссов и Ниенштедт. Московиты ограбили ландскнехтов, «оставив нагими и босыми», а в довершение всех бед сам магистр покарал изменников — главарей мятежа колесовал, а прочих, которые попались ему в руки, — перевешал.

Так это было или не так — не суть важно. Даже если исходить из того, что ландскнехты и в самом деле взбунтовались, то их мотивы понять можно — на верную смерть, тем более задаром, они не подписывались, а в том, что она, смерть, уже здесь, *ante portas*, сомнений не было. После взятия русскими форштадта судьба самого феллинского

замка была немного предсказуема, тем более что помощи извне ожидать не стоило. Ландмаршал и его воинство разгромлены, великий князь литовский и император не торопятся слать людей и деньги для спасения Ливонии — стоит ли в таком случае биться до последнего за проигранное дело? Одним словом, 20 августа (21 — по псковским известиям, 22 — согласно Хеннингу) Феллин капитулировал и русские вошли в него, по словам Реннера, *«с великой радостью и триумфом»*. И было отчего — согласно описанию Курбского, столь мощной крепости в Ливонии русские еще не брали: *«Егда же внидохом в место и во град Фелин, тогда узрехом от места стоящи еще три вышеградь, и так крепки от претвердых каменей сооружении, и рвы глубоки у них, иже вере не подобно, бо и рвы оные, зело глубокие, каменьями гладкими тесаными выведены»*. В городе были взяты богатые трофеи — согласно Реннеру, *«лучшая артиллерия Ордена», 3 kartouwen, 2 halve kartouwen, 2 nothschlangen, 2 fuirmorser и 6 feltgeschutte* — словом, весь орденский «наряд». Курбский исчислил его в 18 осадных орудий и прочих *«великих и малых всех поляятаста на граде и месте»*, а также *«запасов и всех достатков множество»*. Но главным трофеем был сам старый магистр — В. фон Фюрстенберг, отправленный в Москву как знак великой победы.

30 августа к Ивану Грозному прибыли сеунщики с «Ливонского фронта», сын боярский Василий Сабуров и стрелецкий голова Григорий Кафтырев с грамотой от Мстиславского со товарищи, а в грамоте той *«писали, что божим милосердием великим приступом и пушечным боем и огнем город Велиан и со всем пушечным нарядом и в городе маистра Велим Ферштенберга взяли и ко царю и великому князю послали с Неклюдом Дмитриевым сыном Бутурлина»*.

Плененный старый магистр был привезен в Москву Неклюдом Бутурлиным 9 сентября 1560 г. Он стал вторым высокопоставленным орденским должностным лицом (после фон Белля), оказавшимся в русской столице. Была ли уже тогда у Ивана Грозного идея создать некое вассальное государство в Ливонии или нет, неясно, но плененный старый магистр, (которого многие и в Ливонии, и в Москве по прежнему полагали законным магистром Ордена, отказывая в этом праве Кеттлеру), был неплохой картой в игре за дипломатическим столом вокруг ливонского наследства. Во всяком случае, в конце 1560 г. какие-то

переговоры с Фюрстенбергом и Беллем в Москве велись, и закончились неудачей, после чего Фюрстенберг отправился в почетную ссылку как опальный удельный князь в назначенный ему в кормление городок Любим, а ландмаршал был казнен *«за противное слово и за то, што он воевал, ходил к городом по осени [1559 г.] к Юрьеву и к Лаисоу, и нашим воеводам и воиску зла много соделал...»*.

Тем временем, пока в Москве справляли очередной триумф, в Ливонии царские воеводы ковали железо, пока оно горячо. 29 августа И. Ф. Мстиславский и П. И. Шуйский отправили в Ревель грамоту с *«приятельным словом»*, в которой предложили добрым жителям Ревеля бить челом Ивану Грозному о переходе в его подданство с тем, *«чтоб досталных немецких людей неповинных с повенными кров не лилася, и конечного б себе разореня не дождали...»*. Аналогичного содержания грамоты были отправлены в Каркус и Гельмет. Ну а чтобы у *«германов»* не возникло сомнений в серьезности намерений воевод, после взятия Феллина царская рать продолжила опустошение Ливонии. Еще после эрмесской победы два больших русских отряда (*geweldigen hopen*) двинулись на Оберпален и Тарваст. Еще один большой отряд (*etliche hundert*) приступил тогда же к разорению местности между Каркусом, Перновым и Руеном. Теперь же, когда со взятием Феллина руки у Мстиславского были развязаны, следовало ожидать новых бедствий.

И они не замедлили воспоследовать. 3 сентября князем Федором Троекуровым был сожжен замок Руен, перед этим головы князя Петр и Василий Ростовский взяли Тарваст, а *«лехкая»* рать под водительством боярина И. П. Яковлева-Хирона и князя Г. Ф. Мещерского подвергла тотальному опустошению окрестности Пернова. Отдельные отряды русских появились под Гапсалем, и тамошний герцог Магнус (будущий ливонский *«король»* милостью Ивана Грозного) поспешил перебраться на остров Эзель. После того, как область Вик была разорена, русские повернули на восток и вторглись (уже в который раз) в Харриен. 11 сентября их передовой отряд разбил лагерь в полтора милях (примерно в 10 верстах) от Ревеля. Ревельские гарнизон (конница и пехота) и охотники из числа ревельских жителей ранним утром атаковали русских и захватили их добычу, взятую в Вике — скот и пленников. При этом, по сообщению Реннера, было побито

аж 600 москвитов (псковская летопись пишет о 15 детях боярских, погибших в этой стычке).

Однако добрые ревелицы недолго праздновали победу. *«Приспел тоуто»* на помощь своей *«посылке»* воевода И. П. Яковлев *«со всеми людьми, и немец побили..., и мало их оушло немецких людей»*. А было тех немцев, по сообщению псковского книжника, 300 конных и 400 пеших. Ливонские же хронисты добавляют к этому, что при этом разгроме ревелицы потеряли два взятых с собой *falkeneten*, 60 убитыми, в том числе благородных господ Й. фон Галена, Ю. фон Унгерна, Л. Эрмиса, ревелицкого ратмана Л. фон Ойте, бюргера Б. Хогреве и *«много еще других бюргеров и купеческих прикащиков»*. Рюссов, любитель нравоучений, сопроводил эту печальную историю такой ремаркой, якобы принадлежавшей русским: *«Ревелицы или безумны, или совершенно пьяны, если с такой малостью народа сопротивляются большому войску и осмеливаются отнимать добычу»*. Ниенштедт и Рюссов сообщают также о подобной же стычке с аналогичным исходом под Вольмаром, где горожане и три роты-фенлейна кнехтов точно также попытались отстоять свои *«животы»*, попали в засаду (слишком далеко отойдя от замка) и были разгромлены наголову. И снова Рюссов не смог удержаться от патетического восклицания: *«Сколько горя и печали были тогда между женами и детьми вольмарскими, может сам себе представить всякий разумный человек...»!* И в довершение всех несчастий в Харриене и Вике вспыхнуло крестьянское восстание. *«Упомянутые крестьяне восстали против дворян из-за того, — писал позднее Рюссов, — что должны были давать дворянам большие подати и налоги и исполнять трудные службы, но в нужде не имеют от них никакой защиты, а москвит без всякого сопротивления нападает на них»*. Потому-то крестьяне и решили *«более не подчиняться дворянам или справлять им какие либо службы»*, возжелав свободы, угрожая в противном случае перебить всех благородных господ (в чем они немало и преуспели).

Однако все эти мелкие стычки и набегии не решали главной задачи кампании — захвата ключевых позиций в Ливонии, и прежде всего Ревеля. Если верить псковской летописи, то Мстиславский, взяв Феллин и отрапортовав об этом Ивану, получил от него *«наказ ити к Кольваню из Вельяна»*. Надо полагать, что взятие Ревеля стало бы

прекрасным завершающим аккордом к летней кампании 1560 г. и позволило бы решить массу проблем (да хотя бы и обеспечить более выгодные позиции для дипломатического торга вокруг ливонского наследства, не говоря уже о перспективах дальнейшего развития не только нарвского, но еще и ревельского «плавания»). Однако воеводы, судя по всему, после взятия Феллина испытали, словами классика, «головокружение от успехов», и «не царевою великого князя наказоу», «на похвал и наряд с собою взяли меншеи», отправились под злосчастную Пайду-Вейссенштейн, которая и без того уже не раз становилась объектом русских атак в эту кампанию. «Хотели взяти мимоходом своим хотением вскоре, — подытожил псковский летописец, — без Божиа воли».

Передовые отряды рати Мстиславского объявились под Вейссенштайном в первых числах сентября 1560 г., а главные силы (по сообщению «летучего листка» из Данцига — 9 тыс. чел.) подступили к замку 7 (или 8-го) сентября. Увы, к несчастью для «столпа царства», комендант Пайды, К. фон Ольденбокум, оказался человеком, сделанным из того же материала, что Й. фон Икскуль и Р. Игнатъев, к тому же, как с горечью писал псковский летописец, «Паида городок крепок, а стоит на ржавцах*, с одной стороны мал пристоуп». Несмотря на то, что огнем русского «наряда» было разрушено 60 футов (vaden, около 18 метров) крепостной стены, Ольденбокум и его люди «билися добре жестоко и сидели насмерть», восстанавливая по ночам то, что русские разрушали днем. Ну а дальнейшее предугадать было нетрудно. Окрестности Пайды и без того уже было порядком опустошены предыдущими набегами, и очень скоро осаждающие стали испытывать нехватку провианта и фуража. Доставить же все необходимое в лагерь Мстиславского с началом распутицы стало чрезвычайно сложно. «Людеи потеряли много посохи, а иная разбеглася, ано нечево ясть», — писал псковский летописец. Набрать новую посоху во Пскове было невозможно — и без того «Псковоу и пригородам и селским людем, всеи земли Псковъскои проторы стало в посохи много», почему пришлось срочно «в розбеглои место посохи» «наймовать» посошных людей в Новгороде «с сохи по 22 человека», и вышла та посоха

---

* Болотах.

казне в немалую копеечку — «на месяц давали человеку по 3 рубли, а иные и по пол четверта рубли и с лошадьми и с телегами под наряд». 15 октября в полночь началась новая бомбардировка замка, продолжавшаяся до 10 часов утра следующего дня, после чего русские пошли на штурм. Однако, как пишет Реннер, Ольденбокум применил стратегию — накануне он отвел своих людей и пушки из форштадта и заманил неприятеля в огневой мешок. Как только москвиты ворвались в оставленный форштадт, они наткнулись на прицельный огонь гарнизона, понесли большие потери (несколько сотен, *etliche hundert*) и откатились назад. 18 октября Мстиславский был вынужден отдать приказ отступить, с трудом вывезя наряд из-под Вейсенштайна в Юрьев, откуда он был водою доставлен в Псков.

Так на минорной ноте заканчивалась кампания 1560 г. Мелкие стычки еще продолжались, но главные события были уже позади. И хотя русским не удалось полностью добиться желаемого, тем не менее, конфедерации был нанесен в ходе боевых действий летом–осенью 1560 г. смертельный удар. И ее соседи это почувствовали — осуждая на словах действия *Tyranne der Musscowiter*, этого *Tyrannischer Bluthundt und Erbfeind gantzer Christenheit*, обещая всяческую поддержку несчастной Ливонии, по словам Г.В. Форстена, «соседние государи вместо помощи выжидали только наиболее удобного момента, чтобы присвоить себе часть беззащитной области. Они следили не за успехами русских, а за дипломатией своих соперников, искавших власти над восточно-балтийским побережьем».

Конец Ливонской войны. Тарвастский казус.

Датский король Фридерик II, пытавшийся ранее воздействовать на Ивана Грозного в деле прекращения войны, решил, что раз уж не получается стать посредником в урегулировании конфликта, то стоит рискнуть и закрепиться в Ливонии, отхватив свой кусок ее территории (а заодно и избавиться от младшего брата Магнуса, которому нужно было по отцовскому завещанию отделить часть голштинских владений датской короны). Сказано — сделано, и вот уже было достигнуто (после долгих переговоров, начатых еще при отце Фридерика) соглашение с епископом Эзеля и Вика Иоганном Монникхузеном о покупке у него епископства, куда и прибыл в апреле 1560 г. Магнус.

Новоявленный владетель Эзеля и Вика попытался проявить инициативу и прибрать к своим рукам еще и Ревель, тем более что тамошний епископ, Мориц Врангель, последовал примеру своего эзельского коллеги и передал Магнусу свое епископство. Правда, с Ревелем у Магнуса ничего не получилось. Борьба «датской» и «шведской» партий в Ревеле завершилась победой последней, и в итоге в Ревеле и на северо-западе Ливонии утвердилась власть молодого шведского короля Эрика XIV.

Шведы увели Ревель из-под носа не только у Магнуса (и стоявшего у него за спиной августейшего брата), но и у Сигизмунда II. Последний, используя Кеттлера, попытался было взять Ревель под свой контроль. В конце 1560 г. в город прибыли ротмистры Талипский и Модржевский с 300 драбами, однако, как писал позднее Рюссов, *«после того как эти поляки несколько времени пробыли в Ревеле и не могли ужиться с немецкими ландскнехтами, один из советников ласково отблагодарил их и с подарками и почестями отправил в Польшу»*. Один только Каспар фон Ольденбокум, засевший с немногими верными людьми в ревельском замке, отказался признать власть шведов и 6 недель *«бился добре жестоко»*, пока голод не вынудил его сдаться на Иванов день (24 июня) 1561 г.

Сигизмунд не стали сразу идти на конфликт с Эриком, поскольку в это время был озабочен проблемами в отношениях с московитом и расширением своей сферы влияния на юге Ливонии. Если его план весной—летом 1560 г. заключался, как мы отмечали выше, в том, чтобы дать московитам как следует поколотить Кеттлера и Вильгельма и сделать их более сговорчивыми и уступчивыми к требованиям польского короля, то его замысел вполне удался. И снова процитируем Рюссова: *«В то время, когда Ливония пришла в жалкое состояние, так что многие земли, замки и города были раззорены, все запасы земли истощены, число служивых и сановников крайне умалилось и совет остался теперь только у одного магистра, и он был слишком слаб чтобы противиться такому сильному неприятелю, которому так благоприятствовало счастье в победах, то магистр счел самым лучшим передаться вместе с остальными землями и городами под защиту польской короны для того, чтобы московиту ничего не досталось»*.

И в самом деле, альтернативы у Кеттлера не оставалось. Фюрстенберг, глава «староливонской» «партии», выступавший за сохранение

независимой конфедерации, был в плену у Ивана Грозного, единокровная ливонской элите Германия, что император Фердинанд, что Ганза, на словах была готова оказать всяческую помощь страдающей под гнетом *Erbfeind gantzer Christenheit* Ливонии, а как только дело доходило до выполнения обещаний, вся решимость куда-то испарялась. И что оставалось делать рижскому архиепископу и магистру, давно заслуживших славу польских симпатизантов? И выходит, что после эрмесской катастрофы и падения Феллина судьба Ливонии (той ее части, что еще признавала власть Кеттлера и Вильгельма) была фактически предрешена.

Правда, процесс поглощения остатков орденских и архиепископских владений носил не единовременный характер. Сигизмунд не торопился, зная, что его добыча от него не уйдет, но и вступать в конфликт с порывистым и горячим московским государем прежде времени он также не стремился. Поэтому на первых порах, пока еще Вейссенштайн был в осаде, Сигизмунд договорился с Кеттлером о передаче ему еще нескольких замков — Кокенгаузена, Роннебурга, Вендена, Вольмара, Трикатена, Гельмеда, Эрмеса и Каркуса. Еще до конца года в них были введены литовские наемные роты — всего же в оккупированной войсками Сигизмунда части Ливонии к началу 1561 г. находилось одних только пеших рот 11 со списочным составом 1750 драбов. А весной следующего года общее число наемных рот «ограниченного контингента» литовских войск в *«Ифлянской земле»* увеличилось до 29 рот (11 конных и 18 пеших, более 3 тыс. чел. списочного состава).

Ползучая оккупация Ливонии литовскими войсками не осталась незамеченной в Москве, и очень скоро она стала причиной ускоренного роста напряженности в отношениях между Иваном и Сигизмундом. В начале 1561 г. в Москву прибыл посол от Сигизмунда II Я. Шимкович со товарищи. Он передал русским дипломатам послание своего государя. Излагая условия, на которых он, Сигизмунд, был готов пойти навстречу пожеланиям москвитя, посол от имени короля передал буквально следующее: *«И ты бы брат наш [Иван [все тое, што межи нас нелюбовь множит, на сторону отложил, а о том помыслил, як бы межи панствы успокоенью статися, звлаща в земли Ифлянской, которой нам не годно переставать обороны чинить...»*. Позиция Москвы в ливонском вопросе оставалась прежней — *«государь наш*

взял свое, а не чужое; от начала та земля данная государей наших», и «нечто похотят перемирья прибавити без Ливонские земли, ино с ним [Сигизмундом] о перемирье делати; а учнут в перемирье делати и о Ливонской земле, ино с ним перемирья не делати, а отпустити их [литовских послов] без перемирья» по той причине, что если «Ливонская земля ныне написати в перемирье, ино и вперед Ливонская земля с королем будет в споре». И, поскольку король явно не был намерен отступить от своих претензий на чужое, то московские дипломаты откровенно заявили о готовности своего государя «промышляти бы ныне безпрестанно над теми ливонскими городы, в которых городы литовские люди...». Одним словом, если Сигизмунд «похочет за Ливонскую землю стояти», тогда и Иван, в свою очередь, «за нее стоить, как хочет...».

Трактовать эти слова можно было лишь одним образом — как неприкрытую угрозу войны, если Великое княжество Литовское не прекратит вмешиваться в ливонские дела. И слова у Ивана с делом не расходились. В разрядной книге по поводу посольства Я. Шимковича было отмечено, что «царь и великий князь перемирья с ними [литовцами] утверждать не велел от лета 7070-го году, от благовещеньева дни...», после чего 20 апреля 1561 г. Иван воевод своих отправил в Псков, а оттуда в Юрьев «воевати ливонские земли для того, что король вступаецца за ливонские земли и людей своих в ыные городки ливонские прислал». «Большим» воеводой 5-полковой рати был назначен князь П. А. Булгаков, его «лейтенантом» (вторым воеводой Большого полка) — опытный воевода И. В. Меньшой Шереметев, хотя, надо сказать, сама по себе рать была невелика — всего лишь 10 воевод и еще один воевода, И. М. Карамышев из Острова; и были то не первостатейные воеводы. И хорошо, если под началом князя Булгакова «ходило» порядка 5 тыс. «сабель» и «пищалей», а скорее всего, было и того меньше. Однако это не помешало М. Стрыйковскому исчислить московитское полчища аж в 108 тыс. чел.!

К середине июня ратники Булгакова завершили свои сборы и, согласно псковской летописи, «о рожестве Ивана Предтечи» (24 июня)

---

* 25 марта 1562 г.

выступили в поход и «воевали Немецкие земли начен от Ровного* до моря срединою**, а сами здоровы вышли...».

Однако и Сигизмунд не был намерен теперь отступить. Демонстрируя свое твердое намерение защищать свои интересы в Ливонии, весной 1561 г. Сигизмунд объявил о мобилизации литовских татарских хоругвей, а затем и посполитого рушения и почтов панов Рады. Правда, как всегда, срок сбора почтов и поветовой милиции все время затягивался — то кормов нет, то шляхта не торопится выполнять королевский наказ (в первых числах июня 1561 г. Сигизмунд в очередной раз с горечью констатировал, что «еще никто не поспешил ся, яко ж маем ведомост, же многие за слошёнством и небалостью своею и до сего часу з домов своих не выехали»). Отдаться за них пришлось немногочисленным наемникам (хотя, если взять на веру слова М. Стрыйковского, одна только весть о том, что литовский великий гетман Миколай Радзивилл во главе «всей земли Литовской» переправляется через Двину под Зелбургом, неподалеку от Кокенгаузена, вынудила москвитов поспешно бежать «до Москвы»).

А. Н. Янушкевич в своей работе об Инфлянтской войне полагал, что свидетельства польского хрониста малодостоверны, и для этого есть определенные основания (очень уж был подвержен Стрыйковский магии больших чисел), но вот что любопытно — картина, рисуемая им, в общем совпадает с той, которую дает псковская летописная традиция. Псковский книжник писал, что «того же лета [7069***], о Ильине дни [20 июля] шла Литва под Тарбас городок великого князя, и воевали Нового городка**** оуезда и Керепецкого***** и Юрьевская места». И у Стрыйковского отмечено, что, осадив Тарваст, литовские отряды «иллюндровали» владения великого князя московского «аж до Дерпту».

---

* Роннебурга.

** Надо полагать, что полки Булгакова прокатились по территориям, прилегающим к занятым литовцами замкам Венден, Вольмар, Трикатен и Роннебург, после чего повернули на запад, к побережью Рижского залива, поднялись к северу и оттуда двинулись, отягощенные добычей и пленниками, назад, к Феллину.

*** 1561 г.

**** Нойхаузен.

***** Кирумпе.

Похоже, что, действительно, Булгаков не стал рисковать и ввязываться в лобовое столкновение с войсками Радзивилла и отступил, а литовский гетман, воспользовавшись этим, атаковал замок Тарваст.

Осада Тарваста, согласно сведениям псковской летописи, — продолжалась пять недель (шесть — согласно московским летописям). Руководили ею с литовской стороны пан Ю. Тышкевич и ротмистр Г. Трызна (с которыми было, по явно преувеличенным данным М. Стрыйковского, 5 тыс. литвинов). Первые три недели осады она шла ни шатко ни валко — Тышкевич и Трызна, не имея достаточно людей, ограничивались только обложением замка, поджидая подхода главных сил. И лишь когда под Тарваст явился сам великий гетман, осадные работы активизировались. В вырытый под стены замка подкоп была заложена пороховая мина, которая и была взорвана 31 августа, после чего литвины пошли на штурм. Стрыйковский сообщает такую любопытную деталь — литовская шляхта во главе с полоцким кастеляном Я. Волминьским сошла с коней и в пешем строю, вместе со своими слугами-джурами с копьями наперевес полезла в пролом. Официальная московская летопись сообщала, что штурм был отбит: *«и как взорвало, и литовские люди взошли на город, и царя и великого князя люди их стены збили»*. При этом погиб и ротмистр Я. Модржевский — видимо, тот самый, который был в составе польской *«президии»* в Ревеле незадолго до этого. Однако нервы у тарвастских воевод, князей Т. Кропоткина, М. Путятина и сына боярского Г. Трусова сдали, и они согласились на предложение литовских военачальников сдать крепость в обмен на беспрепятственный пропуск гарнизона домой *«со всеми их животы»*. Однако *«Троцкии воевода пан Николаи Юрьевичь Радивил и иные королевы паны, целовав крест царя и великого князя людем изменили, отпустили их пограбя»*.

Любопытно, но во время осады Тарваста произошел первый случай, когда царевым воеводам было предложено перейти на «ту» сторону, поскольку де «бездушный» московский государь творит *«окрутность, несправедливость, неволю»* «безо всякого милосердия и права», *«в незбожную опалю своюю горла ваша [воевод] берет и брати завжды, коли похочет, может»*, почему Радзивил и предлагал Кропоткину выбирать, чего он хочет — *«любо волю, або неволю»*, желает ли он *«голову положить за несправедливого округного государя положити,*

або у вечней неволи быти» или «вызволитися» «до государя славного, справедливого, добротью его яко солнце на свете светитице», «себе волным чело веком быти».

Взяв Тарваст, Радзивилл оказался в положении хозяина чемодана без ручки. Ротмистр А. Гваньини, участник осады и штурма Тарваста (кстати, он отмечал, что литовцы некоторых московитов взяли в плен, а некоторых перебили), вспоминал позднее, что штурмующие, ворвавшись в замок, вели себя подобно татарам, разорив его дотла и не став восстанавливать разрушенные во время осады укрепления Тарваста. Если же к этому добавить, что посполитое рушение отказывалось воевать, требуя роспуска после падения замка, а польские наемные роты так и не успели к осаде, то решение гетмана оставить руины Тарваста становится вполне понятным. Узнав о том, что Иван отправляет отбивать Тарваст новую рать под водительством князя В. М. Глинского (на 5 полков 11 воевод и еще 5 воевод со своими людьми из ливонских городов), Радзивилл поспешил отступить, забрав с собой из города все мало-мальски ценное и ввезя из него взятый *«наряд»*. Глинский же, по словам посковского летописца, со своими товарищами *«ходили воевать за Вельян, и посылку посылали под Пернов город немецкой, и литовских людей побили, и поимали под Перновым жолнырев, а Тарбас городок на осени по государеву приказу разорили...»*.

На этом кампания 1561 г. и закончилась, равно как и закончилась собственно Ливонская война. Осада и штурм Тарваста литовскими войсками под началом гетмана М. Радзивилла, чтобы там ни говорил и писал Сигизмунд, была явным нарушением условий перемирия с Москвой, и, взяв Тарваст, тем самым Сигизмунд де-факто объявил войну Ивану Грозному. Неизбежность войны стала совершенно очевидна после того, как 28 ноября 1561 г. после долгих переговоров было подписано соглашение, известное под названием Pacta Subiectionis. Ниенштедт, подчеркивая его значение, писал, что согласно условиям этого соглашения *«магистр Готгардт Кеттлер будет пожалован от короны польской ленным князем Курляндии и Семигалии, а вся Ливония должна быть передана сословиями польской короне. Город Рига согласился на подданство польской короне, но с условием, чтобы город был освобожден от присяги, принесенной римской империи»* и *«только по заключении такого договора, началась настоящая война*

с москвитом и шведами...». Эта же «настоящая война» — уже другая история...

Эпилог. «Подарок» Несса.

Совершив свои подвиги и покидая город Калидон с молодой женой Деянирой, древнегреческий герой Геракл, по словам мифолога Аполлодора, *«подошел к реке Эвену, на берегу которой сидел кентавр Несс, перевозивший путников за плату, заявляя, что право перевоза он получил от богов за присущую ему справедливость. Геракл сам переправился через реку, Деяниру же отдал Нессу, чтобы он перевез ее за плату на другой берег. Но последний, переправляя Деяниру, попытался ее изнасиловать. Когда она закричала, Геракл услышал ее крик и выстрелил из лука в вышедшего из воды Несса, попав ему прямо в сердце. Умиравший Несс подозвал к себе Деяниру и сказал ей, что если она хочет иметь средство, которое сохранит ей любовь Геракла, то пусть она смешает семя, которое он пролил на землю, с кровью, вытекшей из раны, которую он получил от стрелы Геракла. Деянира так и поступила...»*. Конец этой истории был печален и для Деяниры, и для Геракла. Заподозрив мужа в неверности, Деянира решила испробовать совет Несса и пропитала гераклов хитон кентавровой смесью. Яд лернейской гидры (которым Геракл смазал свои стрелы) начал действовать, и Геракл, обезумев от страданий, взошел на костер, а Деянира, узнав о том, что она сотворила, совершили самоубийство...

Какое отношение имеет эта античная история к нашей? На наш взгляд, самое непосредственное. Ведь если взглядом с высоты полета орла историческую перспективу, ливонское наследство стало своего рода «нессовой рубашкой» для тех, кто пытался примерить его на себя. Начнем с Москвы. В самом начале мы уже приводили мнение британского историка Дж. Хоскинга, и оно, на наш взгляд, как нельзя лучше отражает то положение, в котором оказалось молодое Русское государство, надорвавшееся в оказавшейся непосильной для него борьбе сразу на несколько фронтов. Полностью залечить раны, полученные в этой борьбе, не удалось, и спустя двадцать с небольшим лет Россия погрузилась в пучину Смуты, едва не поставившей точку в короткой на тот момент ее истории. И вряд ли стоит сомневаться, что корни

Смуты уходят в том числе и в войну за Ливонское наследство. И потом, уже при новой династии, при Романовых, попытки овладеть ливонским наследством, дорого обошлись России. Алексей Михайлович, увлекшись идеей обретения «*Вифлянкой земли*», позволил Речи Посполитой пережить Потоп и с новыми силами продолжить борьбу за Украину. Андрусовское перемирие, поставившее точку в 13-летней войне России и Речи Посполитой, в итоге оставляет двойственное впечатление — да, Москва победила Варшаву и сумела отобрать у нее Левобережье, но победа эта досталась чрезвычайно дорогой ценой. Сын Алексея Михайловича Петр сумел в конце концов завоевать Эстляндию и Лифляндию, но заплатил за это цену еще большую, чем его отец, обескровив до синевы доставшуюся ему в наследство державу.

Теперь обратимся к Великому княжеству Литовскому. И здесь мы видим картину, даже худшую, чем предыдущую. В самом деле, ввязавшись в войн, отвергнув предложения Ивана заключить вечный мир в обмен на взаимный отказ от территориальных претензий, заключение союза о совместной борьбе против татарской (и, в перспективе, вероятно, турецкой) агрессии с сохранением положения *uti possidentis*, Сигизмунд II внезапно (*sic!*) осознал, что у Литвы нет сил, чтобы на равных бороться с Москвой. Как результат — на свет появилась Люблинская уния 1569 г., итогом которой стал фактическое прекращение существования Великого княжества Литовского как субъекта европейской (или, если хотите, мировой) политики. Утратив немалую часть своих прежних владений и став объектом культурной и политической экспансии со стороны Польши, в новом двуедином государстве очень скоро стала ведомым партнером, способность которого оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику Речи Посполитой была сведена к минимуму.

Немного, и то только на первых порах, выиграла от вмешательства в борьбу за ливонское наследство Польша. Да, в ходе войны ей удалось подчинить себе Литву и отхватить немалый кусок бывших владений Ливонской конфедерации. Однако по итогам Люблинской унии в составе Польши оказались немалые территории с иноверным, православным, населением. Агрессивная политика польских властей по отношению к иноверцам, неспособность к компромиссу с православными элитами (а то, что этот компромисс был возможен,

свидетельствует пример все того же Великого княжества Литовского) привела в конечном итоге к печальному результату — к Хмельниччине, многолетней разорительной и опустошительной войне и утрате сперва Украины, а потом и политической самостоятельности (сперва де-факто, а потом и де-юре). Схожая ситуация вышла и с Лифляндией. И здесь польским властям не удалось найти взаимопонимания с местной элитой, для которой поляки оказались чужими. Как итог — Лифляндия стал яблоком раздора между Польшей и Швецией и причиной многочисленных войн между двумя государствами. И знаменитый Потоп, польский аналог русской Смуты, стал одним из следствий «победы» Польши в войне за Ливонское наследство.

Остается Швеция — какую роль сыграло в ее истории ливонское наследство? На первый взгляд можно подумать, что шведы оказались самыми хитрыми и успешными претендентами на него. Пока два титана, Москва и Литва боролись, напрягая все свои силы, за доминирование в Восточной Европе, шведы сумели отхватить себе лакомый кусок — северо-западную часть Ливонии с Ревелем. Лиха беда начало — почувствовав вкус успеха, Швеция попыталась продолжить начатое и приступила к созданию своей империи и превращению Балтийского моря в шведское озеро. В результате своей великодержавной политики Швеция, испортив отношения с Москвой и разругавшись с Варшавой, влезла в германские дела и... В конечном итоге «шапка Мономаха» оказалась для Швеции слишком тяжелой. На поле под Полтавой шведская империя рухнула с такими последствиями, что Швеция раз и навсегда выпала из числа великих держав.

Одним словом, выходит, что ливонское наследство, это яблоко раздора (не случайно Густав Васа сказал как-то, в самом начале конфликта, что *«если бы нам, шведам, удалось завладеть хотя бы самой незначительной частью в Ливонии, все бы восстали: враги Швеции охотнее бы передали эту часть дьяволу, только бы не дать ее нам...»*), никому впрямую не пошло. И лучше было бы для всех, если бы в Ливонии сохранилось бы *status quo* — слабая, раздробленная и бессильная Ливонская конфедерация в роли буфера, разделяющего великие державы, имела шанс на историческое выживание и ее сохранение в долговременной исторической перспективе соответствовало интересам всех участников конфликта. Но история не знает сослагательного наклонения...

Приложение. О литературе.

К сожалению, если говорить о литературе именно по истории Ливонской войны 1558–1561 гг., то приходится констатировать, что доступной (более или менее) и вместе с тем современной таковой в наличии практически нет (если вести речь о действительно серьезных и более или менее научных изданиях). Очерки боевых действий на ливонском ТВД в эти годы есть, конечно, в работе В. А. Волкова «Войны и войска Московского государства», вышедшей в свет в 2004 г., но эта работа и концептуально, и текстуально устарела еще в момент своего рождения, поскольку историк основывался, судя по всему, лишь на русских источниках и переведенных на русский же язык ливонских хрониках, оставив «за бортом» значительный массив ливонских документов и материалов на языке оригинала, не говоря уже об остальных. Внешнеполитические аспекты борьбы за ливонское наследство отражены, к примеру, в обширной монографии А. Л. Хорошкевич «Россия в системе международных отношений середины XVI в.» (М., 2003). Сильной стороной ее является обширная источниковая база (в том числе и иностранная), но собственно военных действий в этой книге немного, да и описание их страдает неточностями и ошибками. Не так давно, в 2013 г., на русском языке вышло исследование белорусского историка А. Н. Янушкевича «Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570». Но, как следует из названия, автор сосредоточил свое внимание на участии Великого княжества Литовского в «Инфлянтской войне», и характеристика военного конфликта между Москвой и Ливонской конфедерацией для него была второстепенна. То же самое можно сказать и о классических работах российских и советских историков, изучавших эпоху Ивана Грозного, которым несть числа — от Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева до недавно ушедшего от нас Р. Г. Скрынникова. Война за Ливонское наследство и Ливонская война у них, как правило, служат лишь общим фоном, на котором разворачивается картина деяний Ивана Грозного. Военная история и история военного дела в нашей историографии вообще никогда не пользовалась большой популярностью, будучи отдана почти что целиком и полностью на откуп историкам в погонах. Фундаментальное (безо всякого преувеличения!) исследование А. И. Филюшкина, давно и плодотворно

разрабатывающего проблемы, связанные с борьбой вокруг Ливонии, — «Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков (Санкт-Петербург, 2013), как следует из ее названия, посвящена в большей степени образу Ливонской войны и тому, как он менялся в глазах современников и потомков. Единственными исключениями могут служить лишь краткий очерк В. Д. Королюка «Ливонская война», носящий в большей степени научно-популярный характер и вышедший в свет в далеком 1954 г., а также первая часть объемистого исследования Г. В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648)». Хотя она вышла из печати еще в 1893 г., но не утратила своей научной значимости и по сей день. Главный ее недостаток, с точки зрения интересующей нас проблемы — собственно война для исследователя была второстепенна. Вот и выходит, что, по большому счету, история Ливонской войны как с точки зрения «истории битв и сражений», так и с точки зрения истории военного дела, равно как и с антропологической точки зрения в нашей современной исторической науке практически неразработана и здесь есть широчайшее поле деятельности для историков.